

ГЕННАДИЙ МУРЗИН

Разноцветье детства

РАССКАЗЫ, СКАЗКИ, ОЧЕРКИ,
НОВЕЛЛЫ

Геннадий Мурзин

**Разноцветье детства. Рассказы,
сказки, очерки, новеллы**

«Издательские решения»

Мурзин Г.

Разноцветье детства. Рассказы, сказки, очерки, новеллы /
Г. Мурзин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-858991-1

«Разноцветье детства» — сборник рассказов, сказок, очерков, новелл Геннадия Ивановича Мурзина. О чем тексты? О многообразии цветов и оттенков детства, причем, никак не зависит от смены политических строев. Бытует расхожее мнение, будто в стране советов детство было только счастливым. По мнению автора, тогдашнее детство было весьма-таки полосатеньким.

ISBN 978-5-44-858991-1

© Мурзин Г.
© Издательские решения

Содержание

Рождественские истории	8
Калач	8
Сердца трех	15
С Божьей помощью	23
1	23
2	23
3	25
4	26
5	26
6	28
7	30
Иванова славка	33
1	33
2	33
3	34
4	35
5	36
6	37
Всем по счастью	41
1	41
2	41
3	42
4	42
5	43
6	44
Мальчонка с горочки скатился	45
Гимн дружбе	50
1	50
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Разноцветье детства

Рассказы, сказки, очерки, новеллы

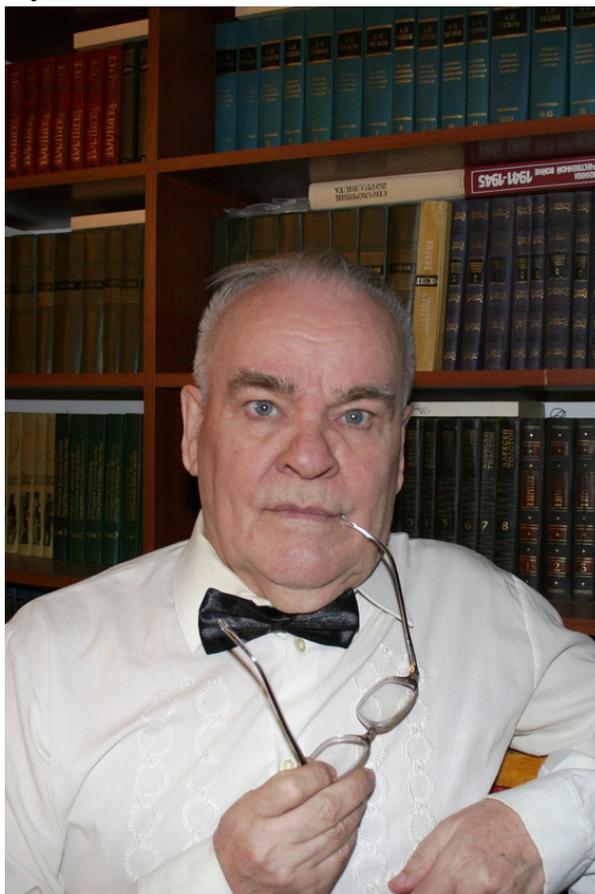
Геннадий Мурзин

Редактор Геннадий Мурзин
Корректор Геннадий Мурзин
Фотограф Геннадий Мурзин
Фотограф Владислав Панов
Фотограф Радис Сибатуллин

© Геннадий Мурзин, 2017
© Геннадий Мурзин, фотографии, 2017
© Владислав Панов, фотографии, 2017
© Радис Сибатуллин, фотографии, 2017

ISBN 978-5-4485-8991-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Уральский публицист и литератор Геннадий Иванович МУРЗИН. Фото 2017 года.
Отзывы о книге «Разноцветье детства» присылайте на электронный адрес –
gim41@mail.ru.*

Кто осушил слезы на лице ребенка и вызвал улыбку на его уста, тот в сердце милостивого Будды достойнее человека, построившего самый величественный храм (А. И. КУПРИН).

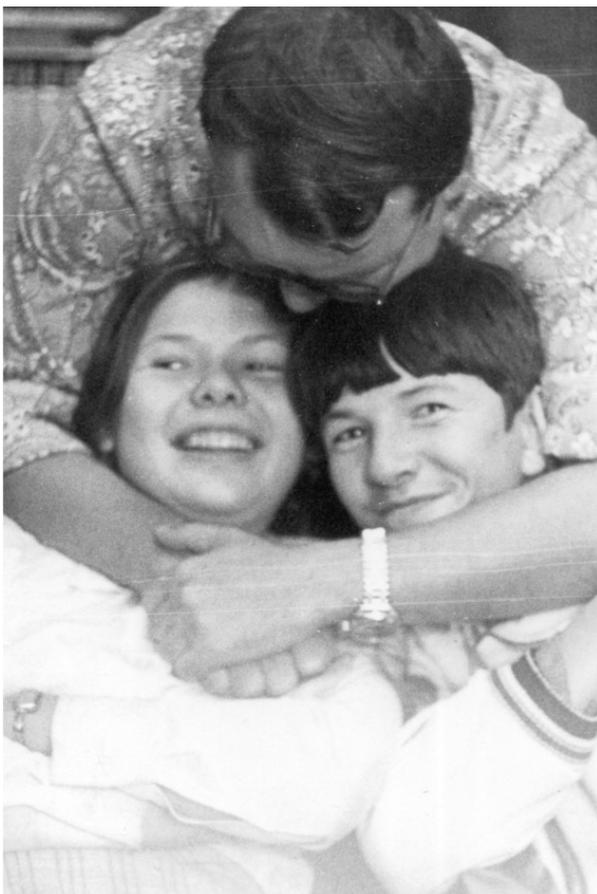
Детство беспечно и не смущается мыслью о будущем (М. Е. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН).

Есть ли на свете что-нибудь пленительнее молодой красивой матери с ребенком на руках (И. С. ТУРГЕНЕВ).

Притворство в чем бы то ни было может обмануть самого умного, проникательного человека: но самый ограниченный ребенок, как бы оно ни было искусно скрывается, узнает его и отверщается (Л. Н. ТОЛСТОЙ).

Моральные победы нередко вредят тем, кто их одерживает (Джон Голсуорси).

Если твой поступок огорчает кого-нибудь, то это еще не значит, что он дурачок (А. П. ЧЕХОВ).

Автор Геннадий Мурзин и его дети – дочь Елена и сын Михаил. Фото 1980 года.

Рождественские истории

Калач

К нему приехал гость.¹ Гость на Рождество. Гость желанный. Гость редкий и, возможно, поэтому самый дорогой. Это – десятилетний Александр, внук.

С порога, не успев притворить дверь, парнишка бросается на шею, обвивает худенькими ручонками и, повиснув, восторженно кричит:

– Поздравляю, дедуль! – ребенок целует деда в обе щеки, отпускает руки и оказывается на полу.

– У, – разглаживая вихры внука, восхищается дед, – как здорово вырос... Выше меня скоро будешь. И... тяжеленный такой...

– А мама говорит, что я плохо ем, а потому медленно расту, – замечает внук.

Семен Александрович Водовозов, стараясь не ронять материнского авторитета в глазах мальчика, тщательно подбирая слова, замечает:

– Так... это... Ты на глазах у матери и ей потому кажется, что ты не так подаешься вверх, как бы ей хотелось... Мужчина должен быть такой, – он поднимает сухонькую и сморщенную ладонь над своей головой.

Внук спрашивает:

– До самого-самого потолка, да?

– Почти, – соглашается Семен Александрович. И добавляет. – Но для этого надо сытно есть.

Внук, заглядывая в голубые, но с годами изрядно выцветшие, глаза деда, спрашивает:

– Ты, значит, не слушался своей мамы и тоже плохо ел?

– С чего ты взял?

– Ты, вон, сколько не дотянул до потолка.

– У меня – другая история...

– Какая, дедуль? – перебивая, снова спрашивает парнишка.

– Ну, – Семен Александрович без всякой охоты отвечает, – время тогда, когда мне было столько же, как тебе, – трудное... Даже ржаной хлеб и тот не досыта... Всё больше на картохе рос, а с нее много не вырастешь... Разве что пузо...

Внук заливается в звонком хохоте. Внуку слово «пузо» понравилось. Дед же хмурится и сердито машет рукой.

– Ладно... Не будем об этом... Пойдем в гостиную, пока твоя мама возится на кухне.

...Семен Александрович одинок. Не заладилось у него с женским полом. Трижды пробовал создать добротную семью, но всякий раз неудачно. В четвертый раз решил не жениться, чтобы больше не испытывать судьбу. К тому же с годами возникла еще одна проблема, о которой он никому не говорит: чем сам старше становится, тем ему моложе и краше женщину подавай. А кто ж на такого старого гриба из молодых нынче смотреть станет? Если бы при больших деньгах был, то... У него же бабок, так вожделенных для всякой молодой женщины, – кот наплакал. Так что...

¹ Впервые был опубликован в коллективном литературном сборнике современных святочных рассказов «ПОКАЖИ МНЕ ЗВЕЗДУ», изданном под эгидой издательского Совета Русской православной Церкви в 2005 году (*здесь и далее примечания автора*).

Дед и внук уходят в гостиную и располагаются на диване, бок к боку: Санька так захотел... Чтобы, говорит, было чувство локтя. И откуда только взял? Вычитал, наверное, в книжке какой-нибудь. Тут в деда пошел: тянется к книгам.

Неожиданно внук срывается с места и летит в прихожую. Там чем-то шуршит. Прибегает. В руках свернутый пополам большой лист ватмана. Он протягивает.

– Мой рождественский подарок, дедуль. Тебе, дедуль.

Семен Александрович осторожно принимает подарок, целует внука и начинает рассматривать. На лицевой стороне сверху вниз, по диагонали из нарисованных мелких-мелких разноцветных снежинок образована надпись. Он вслух читает:

– Любимому деду – от любящего внука Саньки.

Семен Александрович не скрывает восхищения.

– Красиво-то как!

Внук гордо замечает:

– Сам рисовал... Три дня рисовал...

– Спасибо, Сань. Порадовал меня.

Внук торопит деда:

– Ты разверни, разверни! Там такое!..

Семен Александрович осторожно разворачивает, а на всем развороте – картина нарисована. Внук смотрит не на картину свою, а на лицо деда, чтобы не пропустить реакции. Он даже, кажется, и дышать перестал. Ждет!

На картине – трехэтажный кирпичный домина, перед ним – ковер-лужайка, за домом – цветущие вишни и большой огород с грядками. На высоком крыльце, перед домом, сидит, пригорюнившись, старичок, видимо, кого-то поджидая.

Внук тычет пальцем в старичка.

– Узнаешь?

– Так... – Дед будто внимательно вглядывается. – Дай-ка, милый разглядеть. – Потом всплещивает руками. – Неужто я?! – притворно восклицает Семен Александрович.

– Разве не похож?

– Похож, даже очень похож... С трудом верится, что ты и... Не кого-то там, а меня усадил на крыльцо такого богатящего дворца... Неужто мой?!

– Ясное дело, дедуль! А то чей же?

– Спасибо, Сань, за такой царский подарок.

Парнишка, притворившись равнодушным, заметил:

– Ничего особенного... Так... мазня всякая...

– Сань, зачем ты так говоришь? Никакая и не «мазня», а талантливо написанная картина.

На выставку ее надо отдать.

– А мама говорит, что слишком торопился, что мог бы и лучше нарисовать...

– Мама? Ну, Сашок, мама – всегда права. Мама твоя, наверное, хочет, чтобы ты еще красивее рисовал.

– Дедуль, – внук еще теснее приник к Семену Александровичу, – а ты очень любишь подарки?

– Люблю.

– Очень-очень?

– Подобные тому, какой ты сегодня мне подарил, – очень-очень.

Внук вздохнул.

– Я – тоже.

– Для тебя я тоже приготовил подарок, Сань.

Семен Александрович хотел встать, собираясь принести подарок внуку, но тот остановил, догадавшись о его намерении.

- Потом... за столом... Перед первой рюмкой...
По лицу деда пробежала улыбка.
- Что, и даже рюмка будет?
- Мама говорит, что будет.
- Если так, то основные торжества отнесем на потом.
- Ну, конечно, – кивнув, согласился внук. Помолчав, спросил. – Дедуль, а тебе, когда ты тоже был маленький, подарки дарили?
- Нет, – ответил Семен Александрович и по непонятной для внука причине тяжело вздохнул. Потом все же поправился. – Почти не дарили.
- Ну... вот! Дарили же! – Воскликает внук.
- Очень редко, но дарили.
- И ты радовался?
- А как, Сань, без радости-то?
- А самый-пресамый первый подарок помнишь?
- Ну, конечно, Сань, помню. Как не помнить-то...
- Расскажи, а?
- Долгонько придется рассказывать... Может, потом, ближе к вечеру?
- Лучше, если сейчас, дедуль... А то потом я забуду.
- Семен Александрович снова тяжело вздыхает.
- Слушай, Сань...
- И Семен Александрович начал рассказ.
- Канун Нового, 1950-го... Господи, сколько же лет пробежало?..
- Внук спешит с ответом. В уме он уже подсчитал.
- Пятьдесят четыре года.
- Дед, кивнув, соглашается.
- В деревенской школе – кутерьма...
- Дедуль, – внук удивленно смотрит в глаза, – а что такое «кутерьма»?
- Семен Александрович смущенно поправляет на затылке редкие волосы и пытается объяснить.
- Так это... Когда много народу и все суетливо бегают из угла в угол, кричат.
- А-а-а, – тянет внук, – понятно.
- Кутерьма мне, первоклашке, страшно нравится. Особенно нравится тем, что учительница Анна Ивановна то и дело кричит через всю комнату: Семен, сделай то; Семен, сделай другое. Пулей лечу, куда сказано; охотно делаю, что велено. А все мы занимаемся тем, что украшаем новогоднюю елку: мальчишки – развешивают украшения, а девчонки, как самые умелые по этой части, – делают разные бумажные игрушки, фонарики, например, или хлопушки, или гирлянды. Делают из старых газет.
- Внуку смешно и он прыскает.
- Дедуль, что же это за игрушки? Фигня какая-то.
- Для тебя, может, и фигня, но для меня тогда... Раскрашивают, одним словом, бумажные фонарики чернилами или цветными мелками. Склеивают вареной картошкой.
- Вареной картошкой? Как это? – И того больше удивляется внук.
- Клея, Сань, во всей школе днем с огнем было не сыскать... Так и выходили из положения... Трудно было со звездой. Сам понимаешь, как без нее?
- Внук высказывает свое мнение:
- Пошли в магазин и купили.
- Скажешь! В деревенском магазине тогда, кроме спичек да керосину, – шаром покати.
- Внук хохочет.
- «Шаром покати» – как это?

– Это означает, что в магазине – пустые полки, то есть без всякого товара... Тогда так было... Вот... Звезду на макушку вырезали, значит, из картона, а для раскрашивания Анна Ивановна, наша учительница, разрешает воспользоваться малиновыми чернилами. Ну, теми самыми, которыми она нам ставит в тетрадках двойки и записывает замечания.

Внук опять заливается.

– Дедуль, и тебе ставила двойки?!

– Врать не стану, Сань: бывало.

– А мама говорит, что у тебя в аттестате одни пятерки.

– Ну, Сань, это не совсем так... Мама твоя чуть-чуть приукрасила... В аттестате есть и четверки.

Парнишка качает головой.

– Все равно здоровски!

– Да... Верх моего блаженства – сам новогодний вечер. В классной комнате, откуда парты вытащены на улицу, полно народа. Это – многочисленные родственники детей-учащихся. Моих – нет. Никого. Как всегда. Моих и на родительское-то собрание не удалось ни разу вытащить. Кажется, мне обидно. Но не слишком. Я упиваюсь всеобщим весельем. Я не могу отвести восторженных глаз от наряженной нами новогодней елки. Сказка! Наконец, Дед Мороз (Анна Ивановна, учительница наша, в вывернутом наизнанку овчинном полушубке и с огромной серой бородищей из кудели)...

– Дедуль, а что такое «кудели»?

– Кудель, внук, – это похожее на вату... Выращивают сначала лен. Потом он вылёживается на солнце и на морозце. Потом лен мнут, вычесывают и делают пряжу или вяют канаты. Кстати, канаты используются в морском деле. Получаются очень крепкие.

– По-нят-но, – протягивает парень. – Увидеть бы эти «кудели».

– Где там! Нынче лен-то не выращивают.

Внук трясет за рукав деда.

– Дальше, дальше-то что было?

– Итак, Дед Мороз объявляет, стукнув грозно о пол посохом:

– Ну-с, дети мои, кто хочет получить мой специальный подарок?

– Я! Я! Я! – несутся многочисленные голоса со стороны струдившихся стайкой учеников. – Желающих много. Но меня среди них нет. Я стою, опустив вниз голову. Нет, не то, чтобы я не хотел получить подарок. Хотел бы, очень! Но мне кажется, что подарки просто так не раздаются: их надо заслужить.

– Тогда, – продолжает басить Дед Мороз, – расскажите-ка мне стихотворение!

– На этот раз желающих изрядно поубавилось. Но зато – среди них и я. И хотя мой голос звучит громче всех, но первой выступить, открыть конкурс Дед Мороз позволяет Наташке (соседская девчонка, противная ужасно, потому что подлиза, потому что подлизывается к Анне Ивановне, а еще ябедничает).

Внук согласно кивает головой и рассудительно говорит:

– Они – все такие. В нашем классе Светка...

– Ну, Сань, может, и не все, но встречаются... Да и к тому же вряд ли я был тогда справедливым... И вот... Наташка выходит вперед. И, шмыгая носом, постоянно запинаясь, кричит:

– Наша Таня громко плачет:

Уронила в речку мячик.

Тише, Танечка, не плачь —

Не утонет в речке мяч.

– Аплодисменты артистке. Особенно усердствуют и бьют в ладоши (это я вижу) Наташкины родители. После Наташки мямлит что-то свое Пашка. Он хоть и друг, но мне за него приходится краснеть. Я тоже готов. Меня явно не замечают. Но я упрямо заявляю о себе. И вот, когда выступило пять или шесть школьников, ко мне подходит Дед Мороз.

– А ты, мальчик, что можешь рассказать? Вижу, давно рвешься. Ну, слушаю.

– Я вырываюсь вперед. Я бесконечно счастлив, что вот, теперь и на меня смотрят люди; что теперь и меня будет слушать вся деревня. Волнуюсь. Мну обшлага ситцевой рубашонки. Собираюсь с духом и начинаю:

И живет в колхозе дед
В девяносто восемь лет.
Бодрый он имеет вид
И в работе деловит...

Краем уха слышу, как кто-то из гостей новогоднего праздника комментирует:

– Ишь, ты! Стар, а все робит...

– Дедуль, а что такое «робит»?

– Колхозники на Урале тогда так говорили: робит – значит работает.

Внук кивает, давая деду понять, что теперь ему все ясно.

Дед вновь берется за рассказ:

– Я же с прежним усердием продолжаю:

Годы деду не преграда,
У него своя бригада.
И выходят с дедом в ряд
Тридцать пять его внучат.

Все тот же зрительский голос:

– Ух, ты! Надо же! Дед – молодец! Мальчуган – тоже! Вона, как лихо шпарит!

– Зрительская ремарка лишь прибавляет мне энтузиазма.

Внук снова спрашивает:

– А что такое «ремарка»?

– Это, внук, проще говоря, замечание по какому-либо поводу... Ладони, значит, вспотели. От волнения. Потому что наступает, можно сказать, самое главное: я должен перечислить все имена. А это вам не «наша Таня громко плачет»... Посложнее будет. Попробуй-ка, упомни тридцать пять имен. И не абы как, а чтобы складно. Собираюсь с духом и продолжаю. Вот и последние имена:

Клава, Люба, Настя, Даша,
Катя, Оля, Зина, Маша,
Света, Нина, Лида, Валя,
Аня, Таня, Вера, Галя,
Клим, Игнат, Ефим, Андрей,
Виктор, Игорь и Евсей.

Я делаю паузу. С шумом выдыхаю воздух. И готовлюсь к следующему этапу: как-никак, а предстоит повторить все тридцать пять имен и в том же порядке еще трижды. Так в стихотворении. Поэтому не имею права на ошибку.

– Ух, ты! – комментирует внук и теснее жметя к деду. – Здоровски!

– Все, Сань, заканчивается благополучно. Я радуюсь: без запиночки! Сначала тишина, но вскоре же в классной комнате – буря аплодисментов. Мужики от восхищения громко топают ногами. Кто-то из них громко восклицает:

– Совсем малявка, а такое учудил!.. Это ж, надо, а! Тридцать пять имен упомянул... И так все складно-складно!

Дед Мороз кладет на мои жесткие, а потому непокорные, вихры мягкую и теплую ладонь.

– Ты чей, мальчик, будешь?

– Агронома сын, – охотно и с достоинством отвечаю я.

– А фамилия твоя?

– Водовозов.

– А имя есть?

Вот какой вредный, думаю про себя, этот Дед Мороз. Однако вслух отвечаю:

– Семеном, дедушка.

– Семеном? – переспрашивает Дед Мороз.

– Да, – все также с достоинством отвечаю я. – А пацаны в деревне меня, дедушка, Сенькой еще называют.

– Спасибо тебе, мальчик, за такое трудное, но прекрасное стихотворение.

Дед Мороз наклоняется и целует в щеку. Ах, до чего ж мне был приятен тот поцелуй, Сань! Дед Мороз выпрямляется и, обращаясь ко всем присутствующим, развязывая свой мешок, говорит:

– Да, все мои маленькие артисты заслуживают подарка. Но я думаю, дети, что главный приз всё же заслужил ученик первого класса...

– Дед Мороз достает из своего волшебного мешка огромный-преогромный калач, протягивает мне, и буря аплодисментов. Мне так тогда показалось, что потолок от аплодисментов может обрушиться. Я беру калач, прижимаю крепко-крепко к груди, мне хочется расплакаться, но изо всех сил креплюсь. Я пытаюсь что-то сказать, но у меня ничего не получается. С трудом и очень тихо выдавливаю: «Спасибичко, дедушка... родной мой... миленький...» Я срываюсь с места и убегаю в коридор. В глазах – слезы. Слезы счастья. В эту минуту я хочу быть один.

Внук гладит мягкой и теплой ладошкой по седым волосам деда. Он тихо спрашивает:

– Калач, наверное, был очень-очень вкусный, да? На меду, да? Обсыпанный сахаром, да? Семен Александрович кивает.

– Вкуснее, Сань, не бывает... Этот калач пекла сама учительница из ржаной муки, напололам с отрубями, выделенной по такому случаю колхозом. Это был необыкновенный калач! М-м-м, до чего ж был вкусный! Был бы еще вкуснее, если бы Анна Ивановна для теста нашла хоть чуть-чуть соли.

Внук не понимает. Он переспрашивает:

– Соли?! Калач совсем-совсем без соли?!

– Это я потом узнаю, что такое соль в 1949-м. Ее, соли, не оказалось ни в колхозе, ни у самой Анны Ивановны. Соль была еще большим дефицитом, чем ржаная мука... Съели призывной калач мы всем классом...

Внук возмущенно восклицает:

– Это нечестно! Подарок чей? Твой! Кто заслужил? Ты, дедуль! При чем тут класс?

Семен Александрович улыбается.

– Во-первых, Сань, в моем, первом классе-то было всего восемь человек.

– Так мало? Классно!.. В моем классе – тридцать восемь.

– Ты живешь в большом городе... Деревня маленькая... Во-вторых, калач был преогромный...

– Вот такой? – внук описал вытянутыми вперед руками в воздухе круг.

– Примерно... В третьих, Сань... Разве ты с товарищами никогда не делишься?

Парнишка опустил вниз глаза.

– Ну... Это... Бывает, что жалко, но... делюсь...

Внук продолжает гладить деда по голове. Потом тянется к его уху и шепчет:

– Дедуль, а, знаешь, какой тебе мама подарок приготовила?

Семен Александрович отрицательно мотает седой головой.

– Откуда мне знать-то?

Внук оглядывается по сторонам и еще тише выдает деду секрет:

– Рубашку! Знаешь, какая она красивая? Супер! Я помогал выбирать! – Санька прикладывает к своим губам палец. – Но – тихо. Мама не велела говорить.

– Молчу-молчу, внук.

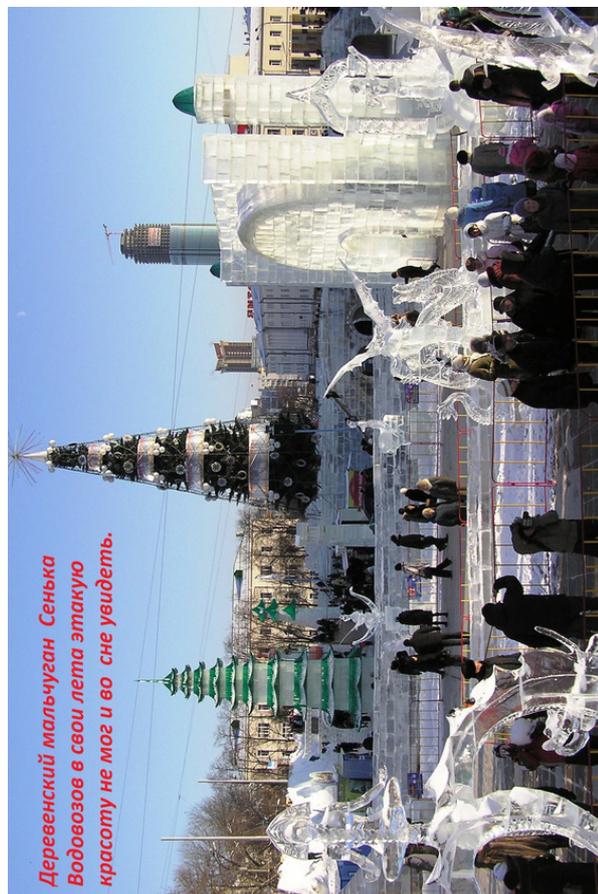
И оба громко-громко хохочут.

В гостиную заглядывает Клавдия Семеновна, дочь Водовозова.

– Что происходит? – притворившись сердитой, хмурясь, спрашивает она.

Санька вскакивает.

– Мам, ты иди-иди, – выпроваживая, солидно добавляет. – У нас – мужские секреты.

Сердца трех

Последнее время Иван Христофорович Зяблицев отшельничествует: год тому минуло, как простился с единственным ему близким человеком, – Дарьюшкой, женошкой, значит. В момент Дарьюшку скрутило: врачи сказали, что рак желудка. Отмучилась, оставив сей бренный мир на попечение его, Ивана Христофоровича.

А дети? Неужто Господь не сподобил? Где-то есть. Далеко. Сами по себе. Пару строк лень черкнуть. Брякнут по телефону раз в году, на день его именин – это тот максимум, на который отваживаются сын и дочка. Так что... Отрезанные ломтики... Теперь им родитель только обуза.

А когда-то... Эх, как любил Иван Христофорович своих деток! Надыхаться не мог. Пылинки с каждого сдувал. Думал, что на любовь любовью ответят после. Не получилось. Как-то незаметно очерствели. Покуда он работал и от работы имел кое-что, то наезжали.

Бывало, явится Мишаня, сынок, про здоровье и самочувствие любопытствует, а у самого глазки бегучие такие, бегучие – всё в сторону да в сторону: не желает, получается, на родителя-то глядеть. А уже через час...

– Слышь-ка, бать, как у тебя с этими?.. – спрашивает и три пальца друг об друга трет. Иван Христофорович понимает, об чем речь, но притворяется, будто невдомек ему. – Ну, – мнется сын, видать, совесть-то еще не вся утеряна, – я насчет «мани-мани»...

Иван Христофорович, прищурив левый глаз и почесывая в затылке, отвечает:

– «Мани-мани» – шиш в кармане...

– Может, как-нибудь по амбарам пометешь да по сусекам поскребешь? – стоит на своем сынок.

– Туго, да? – с еле скрываемой язвинкой интересуется Иван Христофорович. – Приспичило шибко?

– Очень надо... Молодые, сам понимаешь...

– Что молодые – понимаю, а что... Старики святым духом живут, да? Им ничего не надо, да? – Иван Христофорович обидчиво отводит взгляд в сторону, сведя к переносице длинные седые брови, демонстрируя тем самым свое недовольство.

– Хоть чуть-чуть, а? – настаивает Мишаня.

– «Чуть-чуть» – это сколько же по-вашему будет?

– Ну... там... тысконок пять...

– Что так мало? – всё также язвит Иван Христофорович.

Он встает. Ворчит себе под нос:

– Хватил... Ничего себе, «чуть-чуть»... Не Сбербанк же...

Поворчит, поворчит Иван Христофорович, но даст; конечно, не стопроцентно удовлетворит запросы любимого сынули.

Три года назад как обрезаю: не стал объявляться Мишаня его. Ясное дело: Иван Христофорович вышел на пенсию, а с российского пенсионера, известное дело, что взять-то? В кармане-то его вошь на аркане да блоха на цепи. Есть у него «гробовые», но к ним – ни-ни! Никому не даст притронуться. Умрет – тогда дело другое. Не может он допустить, чтобы как с его отцом... Христофор Саввович проехал на танке Т-34 от Москвы и до Берлина, а оттуда командование бросило на помощь восставшей Праге, где (девятого мая это случилось) его так жажнули, что одиннадцать месяцев провалялся в госпиталях. Пятнадцать лет назад умер. Иван Христофорович примчался на похороны отца. И что он увидел? Инвалида войны первой группы в гроб не в чем положить, а на поминки та власть выделила одну полуощипанную и небесной синевы курицу да две бутылки водки. Нет, не выделила, а дозволила купить. На свои, ясно, кровные.

Та власть плоха. А эта? Разве чем-то отличается? Нет, сулит также «золотые горы и реки полные вина». Наверное, по старой привычке. Власть только по форме иная, а по сути – та же, что и прежде. На ее посулы Иван Христофорович не рассчитывает. Твои, считает он, похороны (ясно, он пока туда не собирается, но кто знает, когда придет за ним костлявая бабулька с косой?) – твои заботы. Иначе... Он и в гроб не ляжет. Позорище!..

Сегодня у Ивана Христофоровича день особенный. Особенный тем, что он с охотой идет в люди. Отчего так? Великий день – Рождество... Родился младенец Иисус... Славит православный люд... Грех и ему в такой-то денек отшельничать. На люди надо, на люди.

Он с утра наряжается и вертится у зеркала, что в прихожей. На нем уже шелковая белоснежная рубашка и галстук (узел завязан по-старому, то есть невелик и аккуратен) с голубыми полосками наискосок. Надевает свой лучший и любимый костюм из темно-синего велюра, который вынимает из шкафа очень и очень редко. Бережет: он хочет и в гробу в нем лежать. Снимает с плечиков меховую кожаную куртку, внимательно осматривает (не покушала ли моль?), натягивает, застегивает «молнию». Вынимает также бережно хранимую, будто реликвию какую-то, пыжиковую шапку: она – его настоящая гордость. При большевистской власти смотрел с тихой завистью на тех, кто мог достать такую шапку и носить. Он – не мог. И не потому, что не мог купить. Нет, купить он мог, но не мог достать. Тогда между словами «купить» и «достать» дистанция была величайшая. Кто-кто, а Иван Христофорович хорошо знает. Поэтому с уходом «тех» и с приходом «этих» первое, на что потратился, – пыжиковая новёхонькая шапка. Дорого, но за удовольствия надо платить. А что? И он вправе на старости лет пофорсить.

Он выходит на улицу. Морозец. Слабый для коренного уральца: не больше пятнадцати градусов. Тихо. Под подошвами кожаных ботинок снег приятно похрустывает. Солнце светит, и в его лучах проскальзывают мелкие снежные блёстки. Народ симпатичный встречается: с улыбками на лицах.

Он идет своим путём. Раньше – ходил с Дарьюшкой. Сегодня – один-одинешенек. Небольшая грусть одолевает, но ничего... В этот день грех грустить... Он должен радоваться... Праздник-то такой светлый, такой светлый...

Он путь держит на главную новогоднюю ёлку города. Пять трамвайных остановок, но из принципа идет сегодня пешком, идет, не торопясь. В такой день спешить нельзя... Также грех...

Иван Христофорович видел по телевизору новогоднюю ёлку. Но ему в день Рождества хочется всё благолепие увидеть своими глазами. Новогодний городок нынче сооружен на темы сказок Пушкина. В копеечку, сказывают, влетело строительство. Но это тот единственный случай, когда Иван Христофорович организаторов не осуждает: траты стоят того, красота требует жертв... Да и красота эта не для кучки богатеньких, а для каждого горожанина, в том числе и для него, простого российского пенсионера.

За шестьдесят, а идет твердо, держится бодро. И всем улыбается.

Вот и главная городская площадь.

Иван Христофорович непроизвольно хмыкает, вспомнив нынешнее название площади. До большевиков площадь православное имя носила, а сейчас... В другой день он бы поворчал по этому поводу, но сегодня нельзя... Опять же грех.

Он прошел за ледяные и узорчатые крепостные стены городка и оказался в сказочном мире. В центре – огромная новогодняя ёлка, сверкающая огнями, а поодаль – еще несколько её сестричек. Там, слева – ледяные дядька Черномор и тридцать витязей прекрасных. Справа – спящая царевна и семеро братьев-богатырей, оберегающих её сон. Чуть дальше – высокая крепостная башня и на игле шпиля уместился золотой петушок. Он взмахивает крыльями и кричит: «Ку-ка-ре-ку! Царствуй лежа на боку!»

Народу толчется много, но все веселые. Пользуются аттракционами, сделанными под русскую старину. Слышны восторженные визги-писки детишек. Для них, ясное дело, – великая благодать.

Иван Христофорович аккуратно протискивается в огромной толпе. Он смотрит и радуется вместе со всеми. Лицо раскраснелось: то ли от удовольствия, то ли от морозца.

Дольше всего задерживается возле царского терема. В него с одной стороны по широкому и высокому крыльцу взбегают стайки детишек, на секунду скрываются внутри, а с другой стороны, визжа и безудержно хохоча, скатываются по ледяной горке вниз.

Ивану Христофоровичу безумно самому захотелось скатиться с такой горки. Так сказать, ощутить детство. Он даже направился к кассе, чтобы купить билет, но опомнился: шестьдесят с гаком и не пристало ребячиться. Что ни говори, а всему свое время.

Иван Христофорович вздохнул и остался простым зрителем.

И тут в метре от него, протиснувшись сквозь толпу, оказались мальчик и девочка. Они заворожено смотрели на катающихся сверстников и шумно вздыхали, вытирая то и дело носы рукавами стареньких пальтишек.

Намётанный глаз Ивана Христофоровича сразу определил: интернатовские, значит, ничейные, чужие. Его почему-то особенно поразили скособоченные и сильно стоптанные каблуки детских ботиночек. Скорее всего, надеты чуть ли не на босу ногу. Потому что ребяташки все время перетаптываются: ножонки, видать, мерзнут. Но зрелище чужого счастья настолько притягательно, что никакой мороз им не помеха.

Они перешептываются. Глядя искоса на детишек, Иван Христофорович определяет: брат и сестра. Сильно похожи. У него мелькает в голове: «Какая трагедия занесла их в интернат?»

Незаметно Иван Христофорович оказывается бок о бок с детьми. Через пару минут спрашивает:

– Как вас, дети, зовут-то?

Мальчишка, наверное, погодок, посмотрел на него, смерил с ног до головы, задержавшись дольше всего на лице. Кажется, остался доволен. Шмыгнув носом, ответил:

– Её, – он легонько ткнул в бок девочку, – Марией зовут... сестра, а меня Серым... Значит, Серегой.

– А вы, я вижу, без родителей.

Парнишка кивнул.

– Без них.

– Умерли?

– Живы... Будто бы... Бросили с сестренкой... Алкаши, будто бы... – по-взрослому отвечает парнишка. – Мы – интернатовские.

– Это я уже заметил, – сказал Иван Христофорович и грустно усмехнулся. И после паузы добавил. – Думаю, что приехали сюда без разрешения старших... Или я не прав?

Девочка, настороженно и подозрительно посмотрев на Ивана Христофоровича, спросила:

– Дяденька, вы – милиционер?

Иван Христофорович, увидев, что дети крепко взялись за руки, что худенькие тельца их напряжились, что дети готовы дать дёру, поспешил успокоить.

– Что ты, Машенька, – ласково сказал он, – я – не милиционер и никогда, слава Богу, им не был, – детское напряжение тотчас же спало, и они расслабились. – Однако убежать все равно нехорошо... без спросу...

Машенька опустила свои голубенькие и круглые глазки вниз. Она тихо сказала:

– Это – я... Очень-очень хотелось посмотреть... Серегу и уговорила сбегать... Он не хотел... Говорил, что бить будут...

– Девочка, что ты говоришь?! – лицо Ивана Христофоровича побледнело.

Брат незаметно дернул сестричку за рукав, давая той понять, чтобы держала язык за зубами.

– Сережа, – спросил он парня, – действительно, бьют?

Парнишка, нехотя, ответил:

– Бывает... Иногда...

Иван Христофорович испытал настоящий шок. Он за всю свою долгую жизнь детей своих пальцем не тронул. Впрочем, чужих – тем более. Прожив столько лет, он не мог себе даже представить, как можно поднимать руку на беззащитных, тем более, на таких обездоленных? Пусть и не ангелы, но бить...

Иван Христофорович несколько минут переваривал полученную информацию. Она сильно ранила его сердце, проникла глубокой болью в душу. Поэтому он молчал несколько минут. И лишь потом спросил:

– Хотите, дети, прокатиться с горки?

Их глаза одновременно, как по команде, уставились на Ивана Христофоровича. Их блестящие взоры не хотели верить в то, что услышали. Они, как по команде, опустили вниз глазенки.

Сергей, пожав плечиками и тяжело вздохнув, произнес еле слышно:

– Хорошо то было бы... Денег, дяденька, у нас нет.

– Ну, – Иван Христофорович полез в карман куртки, достал портмоне, открыл и стал рыться, – я тоже не из богатых... Однако по случаю Рождества, думаю, найду для вас кое-что. Детские глазенки цепко следили за каждым его движением. Он достал сторублевую купюру и добавил. – Стойте здесь и ждите меня. Я – за билетами...

– Для нас?! – не веря в чудо, с придыханием спросил Сергей.

Иван Христофорович улыбнулся, и на щеках его заиграли озорные ямочки, появляющиеся лишь в минуты его самого хорошего расположения духа.

– Не для меня же, – ответил он и ушел.

Вернулся Иван Христофорович минут через пятнадцать. Видя, какое напряжение испытывают дети, развел руками и, оправдываясь, сказал:

– Очередь большая.

Оба личика засветились надеждой и радостным ожиданием.

– Дяденька, купили? – спросила Машенька.

– Ну, конечно, дети. Вот, – он протянул билеты, – по три каждому.

– По три?! Каждому? – думая, что ослышалась, в изумлении переспросила девочка.

– Какой сегодня праздник?

– Ну... Рождество, – не очень-то уверенно ответил Сергей.

– А Бог троицу любит. Так что... Бегом на катушку!

Дети кинулись к высокому крыльцу царского расписного терема. Но тут Сергей за рукав остановил сестренку.

– Дяденька, – он выразительно посмотрел на пальтецо сестры, – нам нельзя... А что, если порвем? Бить будут...

– Ах, да! Извините, дети: стар я и забыл... Идите-ка сюда. Сергей, вот деньги, сбегай вон туда, – Иван Христофорович рукой показал на избушку на курьих ножках, – возьми на прокат две подложки.

– А дадут?

– За деньги всё дадут. Беги!

Мальчик убежал. Девочка сильно-сильно прижалась к Ивану Христофоровичу.

– Вы... вы такой-такой хороший, – почти прошептала она.

Иван Христофорович сделал вид, что не расслышал.

Через несколько минут Сергей и Мария, толкаясь и суетясь, прорываются вперед. На них фыркают благовоспитанные детки: куда, мол, без очереди лезете? Где им понять, что эти двое не верят в свое счастье, свалившееся так неожиданно, что от нетерпения буквально сгорают. Да, те могут и подождать, но эти...

Иван Христофорович, прижавшись к барьеру, глядит на два самых счастливых лица, которые, схватившись за руки вместе, проносясь мимо него, скатываются вниз. Сергей от счастья хохочет, а Мария от удовольствия визжит. Первый раз. Второй. Третий.

Увы, но счастье скоротечно и не бывает вечным. Дети подходят к Ивану Христофоровичу, прижимаются и благодарят.

Иван Христофорович давно сам не испытывал такой нежности, поэтому в уголках глаз появились слезинки. Он, напустив суровость, сказал:

– Сергей, поправь брюки, – парнишка наклонился и заправил штанины в ботинки. – Нам пора... – Иван Христофорович внимательно взгляделся в лица детей. – Наверное, голодны?

– Пропустили, – сказала огорченно Мария.

– Что вы «пропустили»? – спросил, насторожившись, Иван Христофорович.

– Обед, – пояснил Сергей.

Сестренка же добавила:

– И без ужина, наверное, оставят... За убёг...

– Ну, нет! – сердито воскликнул Иван Христофорович. – Этому не бывать! – он взял детей за руки и решительно повел к выходу из сказочного городка. А те и не упирались. Они поняли, что от этого «дяденьки» плохого ничего не будет. – Пообедаете у меня...

... Дети, осторожно переступив порог квартиры, остановились у дверей. Иван Христофорович, заметив детскую нерешительность, сказал:

– Быстро раздеваться и мыть руки! А я пока разогрею еду.

Через десять минут все сидели за столом в гостиной. Детей Иван Христофорович усадил на диван и придвинул к ним журнальный столик, а сам присел на стул. С борщом дети управились мгновенно (видимо, проголодались). Иван Христофорович сходил на кухню и принес им домашние котлеты с жареной картошкой на гарнир. И с этим блюдом у них не возникло проблем. Потом был чай с тортом и шоколадными конфетами. И снова спрашивать сильно не пришлось. Дети «молотили» все подряд.

Обед закончился. Бледные детские личики порозовели. Дети откинулись на спинку дивана. Глядя на украшенную ёлку, стоящую в углу комнаты, Маша спросила:

– У вас есть свои дети?

– Есть, – ответил Иван Христофорович, – но они большие-большие и живут далеко.

– А для кого тогда ёлка? – спросила снова Маша.

– Для вас.

Сергей по-мужски рассудительно сказал:

– Вы не могли знать, что мы придем.

– Знать-то не знал, но догадывался, – заметил на это Иван Христофорович и улыбнулся.

– Ну, да... Как можно догадаться? – Маша залилась в смехе.

– Не знаю, как, но догадался... Пожалуй, Всевышний подсказал...

Маша попросила, при этом толкнув брата в бок:

– А можно включить ёлку? – Иван Христофорович встал и вставил вилку, валявшуюся на полу, в розетку. Ёлка вспыхнула и заперемигивалась.

Маша восхищенно заметила:

– Какая красивая!.. Лучше интернатовской.

Сергей уточнил, чтобы, наверное, порадовать хозяина:

– В тысячу раз красивее.

Маша спросила:

– Дяденька, а вас как зовут?

– Дядя Ваня.

– Дядя Ваня, – Маша, смутившись, покраснела и опустила вниз глазёнки, – станьте нашим папой, а?

Сергей незаметно ткнул сестренку в бок: молчи, мол, дура.

Вопрос простенький, но Ивана Христофоровича поставил в тупик. Он развел руки.

– Не получится... уже.

– Почему, дядя Ваня?

Сергей сказал:

– Не обращайтесь внимания на Машку: она, знаете, какая приставучая? Приклеится – не отдерешь.

– Но ты, Серега, ведь тоже хочешь папу, – с укором возразила Машенька.

– Хочу! И что? А дядя Ваня, видишь, не хочет? Не приставай!

– Дети... Кстати, вам сколько лет?

– Ей, – Сергей ткнул в бок сестренку, – одиннадцать, а мне двенадцать.

– Дядя Ваня, мы не понравились, да? – глядя в глаза Ивана Христофоровича, спросила Мария и поспешила добавить. – Мы папой будем называть... Мы будем послушными, и помогать вам во всем будем. Только возьмите нас.

– Вы, дети, уже большие и должны понять: не все и не всегда соответствует нашим желаниям.

– Не хотите, да? – упрямо повторила девочка, и на глаза навернулись слезы.

– Не в этом дело... Вы, повторяю, уже большие и должны понять...

Сергей нервно спросил:

– Что мы «должны понять», что?

– Для начала: мне много лет и я сам скоро буду нуждаться в уходе, поэтому мне никто не разрешит усыновление и удочерение. Во-вторых, материально не слишком обеспечен, и это обстоятельство тоже может стать препятствием. В-третьих, при живых родителях, а они, как я понял, у вас живы...

Сергей зло прервал:

– Сдохли бы...

Иван Христофорович осуждающе покачал головой.

– Так нельзя говорить про родителей.

Сергей потупился.

– Извините...

– Мне очень жаль, но обстоятельства сильнее нас... – сказал Иван Христофорович и посмотрел на наручные часы. – Кстати, времени много и пора вам вернуться в интернат.

Дети послушно встали и молча вышли в прихожую. Оба были готовы в любую минуту расплакаться. Иван Христофорович вынес им большой кулек.

– Вашим друзьям.

– Вот! – радостно воскликнула Мария, принимая из рук Ивана Христофоровича увесистый кулек. – Наконец-то Гришка заткнется! А то все дразнится: «Не нужны, никому не нужны... Никто не побалуует...» Будет, сопля зеленая, знать!

Дети стали одеваться. Глядя на них, Ивана Христофоровича вдруг осенило.

– Подождите-ка, – дети с надеждой и мольбой смотрели на него. – Я совсем забыл!

– Дядя Ваня, что вы забыли? – с потаенной надеждой в глазах тихо спросила девочка.

– Одно дело. Я его должен был сделать по приходу... Я позвоню в интернат. Скажу, что вы были у меня в гостях, что с вами все в порядке, что вы вот-вот будете там.

Сергей сказал:

– Может, не надо, а?

– Как это, Сергей, «не надо»? Люди беспокоятся, наверное, уже ищут.

– Ну, да, – Сергей хмыкнул. – Кому мы нужны?

– Все равно надо позвонить, – сказал Иван Христофорович и ушел на кухню, где стоял телефонный аппарат. Дети слышали, как шуршали бумажные страницы, как хозяин набирал номер телефона. – Интернат?.. Добрый вечер... Это вам звонит Зяблицев Иван Христофорович... Затем звоню, чтобы сказать, – Иван Христофорович прикрыл трубку ладонью и спросил детей. – Как ваша фамилия?

Сергей ответил за себя и за сестру:

– Еремины мы.

– Звоню, чтобы сказать, что у меня в гостях воспитанники... Обыкновенные... Вы не кричите на меня... Вы кто: воспитатель или?.. Без всякого права... Приеду с детьми и всё объясню... Вы не даёте сказать: брат и сестра Еремины... Как это в интернате, если, они передо мной?.. Будем не позднее, чем через час... Кто-нибудь из начальства есть на месте?.. Только старший воспитатель?.. Хорошо... Приеду и поговорю... Ничего не случилось... Разве нельзя поговорить со старшим воспитателем?.. Я сам привезу детей... Да.

Иван Христофорович вернулся в прихожую. Дети сидели в прежнем положении.

– Дядя Ваня, вы с кем разговаривали? – спросила Маша.

– Сказала, что дежурный воспитатель. А что?

– Эта воспитка – зверюга. Точно бить будет, – ответила Маша.

Иван Христофорович сказал:

– Пусть только пальцем тронет.

Сергей спросил:

– Думаете, испугается?

– Ладно, – Иван Христофорович махнул рукой, старших не принято обсуждать, тем более за глаза. Давайте-ка займемся еще одним делом, – он встал на стул, открыл дверцу антресоли, достал большую кипу каких-то вещей, аккуратно уложенных, выстиранных и поглаженных. – Лежат они тут больше двадцати лет... Посмотрим, а вдруг что-нибудь и подберем подходящее, – он выложил это богатство на стол. – А, ну, дети, разбирайте и все, что вам подойдет по росту и по размеру, надевайте на себя, а старье скидывайте, – сам же стал рыться тем временем в нижнем ящике шкафа, откуда наружу полетели зимние ботинки разных размеров. – Примеряйте тоже. Ботинки вполне еще приличные. Главное, теплые, – потом полез в другой шкаф, принес теплый пуховый платок, оставшийся от жены, а также кроличью, но почти новую мужскую шапку. Еще через минуту появились рукавички и два пальто – мальчишечье и девичье. Повертев их в руках, заметил. – Думаю, подойдут.

Дети растерянно копошились в вещах, не зная, за что взяться в первую очередь. Иван Христофорович им помог.

Через полчаса перед ним стояли два вполне благополучных подростка, одетых не совсем в новое, но еще добротное.

Иван Христофорович собрал в кучу старье.

– А это...

– Дядя Ваня, – сказал Сергей. Он подумал, что Иван Христофорович хочет выкинуть. – Это казенное...

– Понимаю, что надо будет вернуть. Сейчас упакуем и в авоську... Вернем... Конечно, вернем... Зачем нам, не так ли?

Дети согласно кивнули.

...Иван Христофорович отвез детей в интернат, переговорил с воспитателями и теперь возвращается назад.

Уже сумерки. Небольшой ветерок гонит по асфальту крупу. Первый рождественский день подходит к концу. Перед глазами – заплаканное лицо Машеньки и угрюмое – Сереженьки. Он тоже готов был расплакаться, но мужское достоинство...

Иван Христофорович принял решение: он станет приводить этих детей на выходные... Если разрешат... Он будет добиваться... Он не может стать полноправным опекуном, но что-то сделать для двух обездоленных вполне в силах. И он сделает, обязательно сделает. Сделает все, что будет в его силах. Он не богат. Он не обещает ничего сверхъестественного. Но он гарантирует: дети в субботу и воскресенье будут обласканы, будут сытно накормлены, будут в тепле.

Они, по его мнению, именно в этих трех вещах нуждаются больше всего.

«Интересно, – думает Иван Христофорович, – как бы отнеслась к его решению Дарьюшка?..»

С Божьей помощью

1

Никита, проснувшись, приоткрыл сначала один глаз, а потом и другой. Приподнявшись на одном локте, оглядел сумрак бедной комнаты. Прислушался. Тихо. Никто не гремит и на кухне. Значит, матери уже нет: умотала куда-то. Как говаривает Клавдия Ивановна, при этом сердито хмыкая (одинокая старушка, соседка по коммуналке), шлындает где-то.

Сквозь двойные рамы глухо доносится благовест – бух-бух-бух. Это средний колокол недавно построенной неподалеку церкви своим звоном православный люд сзывает к праздничной заутрене.

У Никиты – длительные каникулы, а у взрослых – выходные, то есть праздничные, Рождество Христово.

Этот кареглазый, с непокорно торчащим чубчиком на лбу парнишка, как принято говорить, из неблагополучной семьи. «Неблагополучной» в том смысле, что семья – не полная. К тому же мать вечно в глубоком и затаянном похмелье. Никита не раз слышал, как на кухне Клавдия Ивановна корила мать, заявившуюся с работы поздно и с разящим наповал запахом:

– Побойся Бога, греховодница. Сын ведь без пригляда родительского подрастает, без тепла и ласки.

В ответ – нечленораздельное мычание.

Отец ушел из семьи семь лет назад, когда Никите только-только исполнилось три годика. И он не помнит отца. Как-то Никита на дне комода, под тряпьем обнаружил фотографию молодого мужчины. Загляделся, гадая, кто это мог быть? Мать, увидев, ураганом налетела на мальчика, вырвала фотографию и заорала:

– Не лезь, ублюдочное семя, туда, куда не просят!

Так двинула сына, что тот отлетел в дальний угол комнаты и сильно ушибся лбом о край табуретки. Оттуда видел, как мать истерично рвала в клочья фотографию. Детский ум подсказал: отец! Никита потом спрашивал мать, когда та была в настроении, то есть сильно пьяная, почему папа не приходит? Никита увидел, как материны глаза в ту же секунду налились злобой, и она бросила:

– Не нужен ты ему!

Обидно стало Никите. На глаза навернулись слезы. Сдержался. Потому что где-то слышал, что настоящие мужчины нюни не распускают. Откуда было знать ребенку, что это чудовищная материнская ложь?!

2

Александр и Настёна увиделись и сдружились в университете, когда заканчивали третий курс. Он учился на филологическом факультете, она – на историческом. Он пошел по призванию, она – по необходимости. История Настёну не привлекала, но там был наименьший проходной бал, следовательно, у нее шансов быть зачисленной побольше. Он усердствовал в учебе, – она – нет, чтобы только не отчислили. Он вышел из университета с красным дипломом, она выехала на сплошных троечках.

Они такие разные. Если что и роднило их, то это – внешние данные. Александр – высок и строен, с кудряшками на висках, всегда опрятен, словом, первый парень на факультете. Настёна – фигуристая блондинка среднего роста с длинными по пояс и густыми льняными волосами, таинственно-манящим взглядом голубых глаз. Так что одного взгляда достаточно было парням,

чтобы «запасть». И бесповоротно. Сия участь не миновала и Александра. Отталкивая других обожателей, Настёна благосклонно отнеслась к ухаживаниям Александра. Через неделю после защиты дипломов поженились. Родители Александра невестку восприняли холодно.

– Уж больно вертлявая, – осуждающе делилась мать с соседями.

Несмотря на прохладу в отношениях, родители Александра сделали все, чтобы не мешать молодым: даже однокомнатную квартиру купили в районе новостроек.

Полтора года молодые жили хорошо, душа в душу. Глядя на воркующих голубков, родители Александра готовились сменить гнев на милость, проявить побольше благожелательства к невестке.

А там и Никитка явился на свет Божий. Александр готов был сутками глаз не отводить от крохи, не мог надыхаться первенцем, часами разглядывая его, находя все новые и новые родственные черты. И правда: Никитка пошел в отца Александра, а того больше – в деда. Можно сказать, вылитая копия. В полгода Никитку окрестили. Отец Александра на крестины взял семейную реликвию – из ажурного и старинного золота крестик, попросил священника освятить и собственноручно надел на розовенькую шейку внука: он исполнил предсмертную волю родителя.

Никите было два года, когда Александр заметил неладное: его обожаемая Настёна все чаще и чаще стала заявляться с работы домой навеселе, все меньше уделяла внимания сыну, соответственно, холодела и к нему. Александр, нет, тоже не был таким уж ангелом и по пятницам с приятелями заглядывал в бар, на пару часов, чтобы распить чуть-чуть водочки и пивка. Сидит, бывало, а на часы поглядывает: домой, мол, пора. Александр знал меру, а Настёна, увы, вскоре перестала ее чувствовать и чем дальше, тем чаще стала ударяться в загулы. Александр понимал, насколько бывает доступной всякому пьяная женщина, поэтому заревновал. И вот скандалы на этой почве. Александр, мучаясь, терпел, надеялся, что Настёна одумается. Но маята не может быть бесконечной: Александр ушел из семьи. Ушел в том, в чем был, оставив все нажитое жене и сыну. Предупреждал и не раз, что это может однажды случиться. Настёна же, похохатывая, говорила:

– Никитку не отдам, а без него никуда не денешься.

Настёна спекулировала. Настёна не только не отдала сына, но и запретила встречаться. Однажды, когда Настёна долго не забирала Никитку из детсадика, Александр, карауливший неподалеку, решил сам забрать ребенка и увести его домой. Увлечшись общением, не заметил, как появилась Настёна. Увидев у себя непрошеного гостя, озверело схватила со стола нож и истерично заорала:

– Убью! На глаза не кажись, если хочешь жить!

Настёна все больше опускалась. Ее прежнюю красу как корова языком слизнула. Опухшее от вечной пьяни лицо могло теперь вызвать лишь отвращение. И на работе перестала задерживаться: выгоняли. Ну, кому нужны опойки, пусть и с высшим историческим образованием?

Через год после ухода Александра, испытывая вечную нужду в деньгах, поменяла однокомнатную квартиру, подарок свекра и свекрови, на комнату в коммуналке. С доплатой. Куда деньги пошли? Ясно: на пропой.

Одно хорошо: теперь было кому кое-как приглядеть за ребенком. Клавдия Ивановна, соседка, строга с Настёной. И когда Настёна попробовала было привести домой очередного подзаборного хахалю, вышарила за порог обоих. А в след крикнула:

– Не хватало, чтобы еще ребенок видел твой разврат!

Лаяться с соседкой Настёна не отваживалась: видимо, опасалась ее крутизны.

В семь Никита пошел в школу. На обеды у него денег никогда не было. Александра Александровна, учительница начальных классов, видя вечно голодный взгляд мальчишки, старалась подкармливать. Одноклассники, оказавшиеся на редкость чуткими, приносили из дома

гостинцы – то пирожок с мясом, то сметанный коржик, то ватрушку с творогом. С парнишками Никита не водился: сторонился. И даже во дворе его редко видели. Разве что с Лёхой из соседнего подъезда повстречается и поболтает несколько минут. Как-то Лёха зазвал Никиту в гости. Сходил – и больше ни ногой. И вовсе не потому, что с ним там плохо обошлись. Наоборот, слишком уж хорошо. Родители Лёхи – люди приветливые, угостили, просили бывать чаще, Никита, мол, их Лёхе друг – в самый раз. Никита застыдился, ему не хотелось показаться назойливым. Стыдился приглашать Лёху и к себе: а что, если мать пьяная завалится?

Как ни удивительно, Никита учился хорошо, можно сказать, на одни пятерки. Изредка нападало необъяснимое упрямство и наотрез оказывался отвечать на уроке. Схлопотав двойку, Никита уже на другой день, сам напросившись, получал пятерку. И тут в отца пошел.

3

Никита спустил худенькие ноги с кушетки на холодный пол, перекрестился, взял в руку нательный крестик (не тот, что достался от предков при крещении, а другой из алюминия, его он нашел на улице; данный же при крещении странным образом однажды исчез с его шеи; Клавдия Ивановна сказала, что находка принесет ему удачу, так как была послана Богом). Никита пошел и умылся. Зашел на кухню. Глянул в один их шкафчик, в другой, не прошел мимо и кастрюль, но везде – пусто. Как всегда. Вынул из стола краюху позавчерашнего хлеба, налил кипятка, подсаливая хлеб, стал завтракать.

На кухне появилась соседка. Никита спросил:

– Клавдия Ивановна, а где мама? Не знаете?

Соседка хмыкнула.

– Известное дело... Еще утром куда-то ушла.

Никита, прожевывая хлеб, сказал (видимо, от взрослых слышал):

– Опять нажрется.

Соседка посмотрела на парнишку, но ничего не сказала. Соседка шумно запередвигала свои кастрюли.

– Никитушка, – обратилась она, не оборачиваясь, у меня щи сегодня получились уж больно хороши... С бараниной... Да и пирог с гусем, вроде бы, получился... Отведай... Оцени, а? – Это ее подход такой к мальчишке. Иначе – откажется. Потому что гордый сильно. – Ну, Никитушка, положить?

– Только немного, Клавдия Ивановна... Я – сыт.

Соседка налила до краев большую тарелку дымящихся аппетитно пахнущих щей, из духовки достала пирог, отрезала большущий кусок и положила на другую тарелку.

Никита сказал, жадно разглядывая тарелки:

– Много, Клавдия Ивановна... Мне, пожалуй, не съесть.

Никита навернул все, не оставив на тарелках и крошки.

– Спасибо, Клавдия Ивановна... Было вкусно – очень-очень! С Рождеством вас!

– И тебя, Никитушка... И тебя... Вечер была на богослужении... Почти ночь простояла... Как там хорошо! Сходил бы, Никитушка, а?

– Собираюсь, Клавдия Ивановна, – солидно ответил мальчишка и встал из-за стола.

– Вот это хорошо, сынок, очень хорошо. Помолишься и на душе-то посветлеет.

– Хочу, Клавдия Ивановна, попросить Боженьку...

– О чем?

– Этого – не скажу... Извините, Клавдия Ивановна.

– Не неволю... Просить заступника нашего – не грех. Услышит и снизойдет до тебя благодать Божия.

4

Полдень. Под мерные удары все того же среднего колокола, возвещающего, что в церкви уже идет молитва, Никита поднимается по высоким ступеням на паперть, входит в притвор (нет, не входит, а втискивается) и останавливается. Как же быть? Не протолкнуться же. Но ему надо туда, вперед, чтобы видеть глаза Его. Вьется вьюнком худенькое тельце Никиты, ныряет он под ногами молящихся и, наконец, оказывается слева от аналая, возле кирпичной церковной стены, откуда ему хорошо видна печальная Дева Мария с Иисусом на руках. Никита становится на колени и устремляет свой умоляющий взор туда.

Дьякон в эту минуту зычно басит:

– Господу помолимся!

Никита вместе со всеми жарко крестится. Он, продолжая стоять на коленях, не отводя взгляда от иконы, долго-долго молится, губы его что-то беспрестанно шепчут. Никита забывает обо всем на свете. Сейчас для него существуют лишь два лика – Пресвятой Богородицы и ее божественного малыша Иисуса. Вокруг наступает благодатная тишина.

...Никита видит, как из-под самого купола, медленно кружась, спускается к нему розовощекий и светлый мальчик. Должно быть, проносится в голове Никиты, его ангел-хранитель, ниспосланный Богом-сыном, чей день рождения славит сегодня Россия. Ангел складывает на спине крылья, а руку опускает на непокорный чубчик Никиты. Никите очень хорошо сейчас, как никогда прежде. Он необыкновенно счастлив и улыбку шлет навстречу посланцу.

– Меня послал Он, – в ухо Никиты шепчет небесный ангел. – Я твой навеки – защитник и покровитель.

– Ты мне поможешь, да? – столь же тихо, еле шевеля губами, спрашивает Никита и в уголках его глаз становится влажно, но тут ему нисколько не стыдно показаться слабым. – Ну, пожалуйста, ради Христа... Я так хочу...

– Он, – ангел поднял свой перст вверх, – услышал твою жаркую молитву, – небесный посланец кладет вновь свою поразительно теплую и мягкую ладонь на голову Никиты.

Необыкновенный восторг охватывает душу Никиты.

– Спасибо тебе, Боженька! – кричит на всю церковь Никита и просыпается.

5

Никита открывает глаза и озирается. Церковь почти пуста. Значит? Служба уже закончилась. Выходит, это был всего лишь сон? Никита продолжает чувствовать на голове теплую чью-то ладонь. Поднимает глаза вверх: над ним, склонившись, стоит молодой священник и ласково треплет вихры.

– Ты чей, мальчик? – певуче спрашивает священник и его глаза, такие светлые и ясные, заглядывают в душу. – Почему без родителей? Где они?

– Батюшка, – Никита впервые разговаривает со священником, но слышал, что к нему надо именно так обращаться, – нет их... ну... – Никите страшно трудно признаться, что никому он не нужен в этом мире. Из его глаз невольно поползли по щекам крупные слезинки.

Священник присел перед ним на корточки и легонько прижал голову ребенка к своему облачению.

– Ну, будет, родной... День-то какой?... Светлый... Рождество... Радоваться надо, а ты плачешь...

Отец Серафим меньше года назад покинул стены Московской духовной академии, получив благословение на служение Богу от самого Патриарха Всея Руси. Оставляли в Москве, при академии, но он смиренно испросил дозволения вернуться на родину, в Екатеринбургское

епархиальное управление. Ему пошли навстречу. По прибытии, определили в помощники к настоятелю нового храма.

Священник глядел на Никиту, поглаживая пока еще реденькую бородку, и не знал, что следует предпринять в подобной ситуации. Посоветоваться с настоятелем? Нет времени. Нельзя сейчас оставлять ребенка с израненной душой одного. Он обязан помочь страждущему. Но как?

– Далеко ли живешь, сынок? – спросил отец Серафим, продолжая гладить голову Никиты. Не дождавшись ответа, сказал, протянув в сторону мальчишки свою ладонь. – Пошли. Провожу тебя, а по дороге расскажешь про печаль свою.

И Никита рассказал. Отец Серафим не прервал ни разу. Он слушал и тяжело вздыхал. История даже для него не нова: не впервой видит сироту при живых родителях, не впервой.

Никита показал на девятиэтажку, стоящую чуть поодаль от других домов.

– Почти пришли.

Они, держась за руки, стояли вблизи огромного магазина, сияющего праздничными огнями. Отец Серафим взглянул на магазин и вспомнил.

– Погоди-ка, сынок, а ты сегодня хоть кушал?

Никита утвердительно кивнул.

– Утром... Соседка, Клавдия Ивановна, щами вкусными-превкусными угостила и рождественским пирогом... С гусем!

– Но сейчас пора ужинать... Подожди здесь... Я – быстро.

Никита догадался и покрылся стыдливым румянцем.

– Не надо, батюшка... Я не голоден... Спасибо... Да и мать, наверное, уже дома.

Отец Серафим, напустив на себя строгость, погрозил укоризненно пальцем.

– Не спорь. – Он скрылся за стеклянными дверями и через пять минут вернулся с тяжелым свертком в руках. – Вот... Вместе и пообедаем... Я ведь тоже проголодался...

Никита позвонил. Дверь открыла соседка. Увидев Никиту и рядом с ним молодого священника, которого видела на вчерашней службе, всплеснула руками.

– Уж не случилось ли что-нибудь, а?

– С Рождеством! – вместо ответа сказал отец Серафим и спросил. – Можем войти?

Клавдия Ивановна засуетилась.

– Ну, да... Проходите-проходите, пожалуйста, – прикрыв за священником дверь, Клавдия Ивановна попросила. – Благословите, батюшка?

– Бог благословит, – ответил отец Серафим и трижды перекрестил соседку. Потом спросил. – Где же кухня? – Клавдия Ивановна кивнула влево. Священник пояснил. – Мы сильно голодны и надобно перекусить, – он прошел на кухню и положил сверток на стол. – Ни крошки с раннего утра в наших ртах не было.

Клавдия Ивановна закачала головой.

– Не прост у вас, батюшка, нынешний день...

Отец Серафим прервал:

– Не прост, но светел...

– Напрасно беспокоились. – Соседка кивнула в сторону Никиты. – Голодом все равно бы не оставила.

– Клавдия Ивановна, – сказал Никита, – говорил, что сыт, но батюшка...

Отец Серафим присел на табурет у окна, за которым стусились сумерки, а небосвод усеялся мерцающими звездами. Он спросил:

– Матери, как понимаю, нет?

Клавдия Ивановна развела руками и сердито поджала сухонькие губы.

– Рано – не жди... А если и заявится, то...

– Ничего, мы сами справимся, не так ли Никита? – тот радостно кивнул. – Если что, то Клавдия Ивановна подсобит. Итак, займемся приготовлением трапезы, а?

Втроем они быстро накрыли стол. Получился необыкновенно праздничным, даже с розовобокими крупными яблоками. Клавдия Ивановна выставила утренние щи и остатки пирога и извинилась, что других кушаний не имеет: что взять с российской пенсионерки?

– Что вы, – перекрестив обеденный стол, откликнулся отец Серафим. Почерпнув ложку, отправив в рот, воскликнул. – Щи-то, матушка, царские.

Закончив трапезу, Клавдия Ивановна принялась за мытье посуды, а отец Серафим с мальчиком ушел в его комнату. Священник, окинув оценивающим взглядом комнату, покачал головой, отметил про себя: какая, право, запущенность.

Никита присел на кушетку. У него слипались глаза, а голова клонилась к подушке: сытная еда давала о себе знать.

– Батюшка, могу прилечь?

– Ну, конечно, сын мой. Вздремни чуть-чуть. А я рядышком посижу. Не против?

Никита кивнул и закрыл глаза. Минуты через две, не открывая глаз, тихонько проговорил:

– А в церкви ко мне ангел прилетал... Во сне, видимо... Сказал, что Иисус услышал мою молитву... Батюшка, – Никита схватил руку отца Серафима изо всех сил сжал, – а, правда, он поможет?

Священник тихо ответил:

– Бог-сын милостив ко всем страждущим и его почитающим... Спи, сын мой, с миром...

Послышалось размеренное сопение. Отец Серафим, чтобы не разбудить спящего, осторожно встал с кушетки и прошел на кухню, где соседка продолжала шуметь посудой. Он долго о чем-то разговаривал с Клавдией Ивановной.

– Помогите ребенку... Избавьте от страданий, – просила соседка, провожая гостя до двери.

Отец Серафим ничего на это не сказал. Он все для себя решил. Он быстро-быстро зашагал к трамвайной остановке. Священник тяжело вздохнул и вслух сказал:

– Жаль, что соседка не знает точного адреса...

6

– Никит, а, Никит! – это голос Лёхи, доносящийся со двора. Его он узнает из тысячи. – Глянь, что у меня!

Под окнами застрекотал, урча и отфыркиваясь, мотоциклетный двигатель. Никита долго шел узкими и длинными коридорами и, наконец, оказавшись на кухне, распахнул одну из створок, перегнулся через подоконник и поглядел вниз. Лёха, завидев друга, замахал рукой.

– Выйди! Промчу с ветерком! – Лёха счастливо улыбался.

– Отцов подарок, что ли? – на весь двор прокричал Никита.

– Само собой... За успешное окончание четвертого класса... Батя раскошелится... Ну, спускайся живо! А то Димку, – это другой друг Лёхи, из благополучной семьи, – крикну. Он-то медлить не станет.

Никита хмыкнул.

– Не мели чепухи, – по-взрослому сказал Никита. – Как прокатишь, если у тебя и прав-то нет?

Лёха радостно хихикнул.

– А вот и есть! – он достал из кармана футболки «корочки» и помахал над головой. – Сам гляди!

– Откуда? Тебе – не положено. Мал уж очень. Кто дает права десятилетнему?

– А у меня есть права! Отец вместе с мотоциклом купил, – и Лёха в восторге самодовольно завизжал. – Ну, долго еще ждать-то?!

Никита прошел в прихожую, на босу ногу натянул тапочки, спустился вниз и вышел во двор. Лёха, поддав газу, лихо подкатил к подъезду.

– Гляди, хорош, да? – Лёха стал объяснять. – Тут – зажигание, там – тормоза, здесь – четырехтактный двигатель. Не машина, а зверюга. Потрогай сидения: правда ведь мягкие? А колеса... Глянь только, какие широченные колеса?

Никита кивнул.

– Как у мотороллера, – сказал он, завистливо разглядывая мотоцикл.

– Это, чтобы ход был устойчивее, – тоном бывалого байкера пояснил Лёха. И тут же решил прихвастнуть. – До двухсот км развивает скорость и всего-то за пять секунд.

– Ври, да знай меру, – солидно возразил Никита и сплюнул под ноги. – Такого не бывает... Разве что у гоночного болида.

– Завидуешь, а потому и не веришь, – Лёха обидчиво отвернулся от друга.

– Было бы чему завидовать, – возразил Никита и вновь сплюнул под ноги. – У моего отца, между прочим, квадрацикл... Знаешь, как гоняет? Попрошу и подарит.

– Не смейся! – Лёха захохотал на весь двор. – Какой квадрацикл может быть у отца-опойки?!

– Да ты!.. – Никита стал от гнева задыхаться. – Не трожь отца! Убью! – Никита схватил огромный булыжник, валявшийся у поребрика, и замахнулся на друга.

Лёха задрожал от страха.

– Ну, что ты, Никит... Шуток не понимаешь, да?

Никита, отбросив в сторону булыжник, по-взрослому ответил:

– За такие шутки, знаешь, что бывает?

– Не знаю... А что?

Никита грубо ответил:

– Хавальник чистят.

И тут над крышей дома что-то застрекотало. Лёха, задрав голову, сказал:

– Вертолет, пожалуй.

– Ну и нет! – возразил Никита. – Это отец летит ко мне на своем квадрацикле.

Лёха презрительно фыркнул:

– Не городи: квадрациклы по небу не летают.

– А у моего отца летает. Сам гляди.

Действительно, из-за стены дома вынырнул квадрацикл, покружился немного, выбирая место поудобнее, и опустился. За рулем сидел красивый мужчина в одежде крутого байкера. На нем был шлем с огромными очками, кожаные штаны и куртка, нарукавные краги, на ногах – массивные ботинки с толстыми подошвами. Никита со всех ног кинулся к мотоциклисту.

– Пап, ты прилетел? За мной, да? – мужчина молчал и лишь холодно поглядывал на сына. Никита на это даже не обратил внимание. Он ощупывал квадрацикл, ползая вокруг на коленях. – У, как круто!.. Даже крылья есть... Пап, покатай по небу, а?

– Ты мне не нужен, – почему-то голосом матери сказал отец, поддал газу, распустив крылья, квадрацикл мгновенно взлетел и скрылся за крышей соседнего дома.

Никита, подняв вверх руки, дико заорал в след отцу:

– Пап, ты куда?! Не оставляй меня здесь, не оставляй!

Никита подпрыгнул и, подражая птицам, замахал руками, пытаясь взлететь, но упал, ушиб колени и больше от бессилия, чем от боли, громко зарыдал.

7

– Ну, что ты, сынок, что ты? Успокойся... Страшилка, да приснилась?

Голос Никите не знаком и он боится открыть глаза. Ему кажется, что сон продолжается. Но голос... Голос так мальчишке почему-то приятен, как никакой другой на целом свете. Страшно, а посмотреть все-таки хочется. Чуть-чуть приоткрывает глаза и видит мужчину, но не в церковном одеянии, а в обычном костюме. Вновь прикрывает глаза, думая, что сон продолжается. Ведь Никита четко помнит: когда засыпал, на этом месте сидел батюшка, отец Серафим. Никита вновь приоткрыл глаза: нет, мужчина в костюме никуда не делся, а продолжает сидеть на кушетке, ласково смотрит.

– Окончательно проснулся, да, сынок?

Никиту осенило. Он истошно заорал:

– Пап, это ты?! Всамделишный, да? – Никита, как мячик, подброшенный вверх сильной рукой, вскочил и кинулся на шею. Он всхлипывал, тиская отца, бормотал. – Я ждал... Так долго... Устал даже... Думал: не придешь никогда. Почему не приходил? Я не нужен тебе, да? Правда-правда?!

Сильные мужские руки обняли худенькое тельце ребенка.

– Ну, что ты, сынок? Как это «не нужен»? Ты же мой... Самый дорогой и любимый...

– А почему тогда так долго не приходил? – по-щенячьи заглядывая в отцовские глаза, спросил Никита.

Александр смутился.

– Понимаешь, сынок... Чуть-чуть еще подрастешь и я все тебе расскажу.

Никита притворно надул губы.

– Ну, вот! Взрослые всегда так, когда не хотят правду говорить.

Отец любовался сыном.

– Как ты вырос... И такой рассудительный... Молодчина!..

– Пап, а хочешь посмотреть, как я закончил полугодие?

Никита слетел с кушетки, принес дневник. Отец посмотрел и просиял.

– К тому же и отличник!

Никита, подражая кому-то из взрослых, заметил:

– Дети обязаны идти по стопам родителей.

В комнате послышался тяжелый вздох.

– Не всегда, сынок... Увы, не всегда...

Никита вновь стал тискать отцовскую шею.

– Пап, как ты узнал, что я очень-очень тебя жду? Боженька, да, надоумил?

Александр, улыбнувшись, ответил:

– Не сам он, а его верный слуга.

Никита приник к его уху и жарко зашептал:

– Я был в церкви... Молился... Просил, чтобы Боженька вернул мне отца... С небес спустился ангел-хранитель (это было во сне) и сообщил мне, что Иисус услышал и готов мне помочь.

– И, видишь, помог.

– Значит, пап, ты здесь очутился с Божьей помощью?

– Ну, конечно, Никитушка.

Никита перекрестился, взял крестик и поцеловал.

– Спасибо тебе, Иисус! И тебе спасибочко, Пресвятая Богородица.

– Постой, – отец схватил нательный крестик и стал разглядывать. – Но это не он! Где же семейная реликвия? Потерял, да?

Никита потупился.

– Не терял я... Не мог потерять...

– Все понял, сынок...

Александр стремительно встал.

– Одевайся, сынок. И побыстрее. Уходим.

Он принес от дверей какой-то сверток и протянул Никите.

– Это мне?

– Кому же еще-то, Никитушка!

Никита развернул сверток.

– Круто! Рюкзачок-то получше будет, чем у Лёхи, друга моего. Кармашков – куча. А «молнии» какие, «молнии»?! У меня никогда не было такого. Ужас!

– Положи учебники и тетради, – отец стал торопить сына. – Едем, Никитушка, едем.

– Куда, пап? К тебе жить, да? Ты меня забираешь, да?

– И на минуту не оставлю... И так виноват перед тобой...

Никита подошел и заглянул в бездонные глаза отца.

– Навсегда, да?.. Не выгонишь, нет?

– Ну, что ты такое говоришь, сынок?!

– Тогда, – мальчик замялся, не решаясь попросить, – пап, оставь меня в этой школе, хорошо?

– Как хочешь.

– В классе – добрые пацаны, – тщательно укладывая в рюкзачок учебники, он продолжал рассуждать. – Позавидуют мне, когда увидят тебя. Такого папы больше ни у кого нет.

В прихожую вышла Клавдия Ивановна.

– Уходите? – Александр кивнул. – Счастливо!

– С Божьей помощью, – ответил Александр, спеша закрыть за собой дверь.

Отец и сын, прижавшись друг к другу, идут по улице. Они не видят никого вокруг. Хотя на другой стороне, возле кафе, стоит молодой совсем батюшка и троекратно их крестит.

– Господь вас не оставит, – шепчет он в след.

Иванова славка

1

Иван Васильевич, отстояв в храме Александра Невского вечерню, всю ночь и заутреню, возвратился домой в десять и сильно-сильно уставшим: шестьдесят пять как-никак, да и ноги уже не те, что прежде, когда носился по округе жеребчиком. Вон, дочка с зятем. Помоложе его, а не сдюжили: после полуночи ушли домой. Он же отстоял! Считает: Господь терпел и ему велел.

Кое-как раздевшись, залез под ватное одеяло, щекой лишь коснувшись подушки, окунулся на самое дно, то есть в глубокий и безмятежный сон.

Он проснулся от неясных шорохов в квартире и еле слышного чьего-то гундения, доносившегося, скорее всего, из кухни. Не открывая глаз, прислушался: ага, дочь с зятем и внучкой. А кто же еще-то мог? У дочери запасные ключи от квартиры и приходит запросто, не тревожа его звонками. Сама дочь настояла: после смерти Машеньки, с которой он прожил в мире и согласии (дай Бог всякому!) сорок с хвостиком. Бывает, прибежит дочь, а его дома нет. Быстрёхонько приберется и – тью-тью, убежит. Придет он, а дома все блестит. Не в обиде на дочь, что уходит, не дождавшись: у той своих забот полон рот, а тут еще он, развалина этакая. Пригляд, как малому дитя, требуется. Он-то хорохорится, конечно, однако...

Рука тянется в сторону прикроватной тумбочки, нащупывает будильник, подносит поближе: видеть стал плохонько. Лениво приподняв ресницы, убеждается, что спал три с четвертью часа. Мало. Возвращает на место будильник. Делает несколько движений худыми ногами, и из-под одеяла несутся пощелкивания: не отдохнувшие суставы громко возмущаются.

Пора вставать, а не хочется. Закрывает вновь глаза, чтобы заснуть, но вместо сна приходят воспоминания – далекие-далекие, будто совсем из другой жизни, которая то ли была на самом деле, то ли однажды приснилась ему...

2

Сочельник, канун Рождества, значит. Ванюшке девять и он ходит в третий класс. Каникулы, слава Богу. Ванюшка сидит на русской печке: и тепло здесь и не на глазах у родителей. Слабый свет от заиндевшего окна с трудом продирается к нему сквозь небольшое пространство между трубой и полатями.

Ванюшке, как бы сказала мать, в голову блажь пришла: сидит на печи, на коленях обрывок обоев (вчера полторагодовалый братишка пробуровил остренькими коготками по стене и выдрал кусок обоев, а старшенький прибрал: в его хозяйстве, мол, пригодится), в руке химический карандаш, пошлюнявив его, выводит крупные круглые аккуратные буквы. Есть первая строчка: «Рождество твоё, Христе Боже наш...» Эту строчку он помнит: слышал где-то и когда-то. А дальше? Ни с места. Вылетело из головы.

Что же делать? Как быть? Вертятся всякие разные слова – «Иисус», «дева Мария», «Вифлеем», «звезда», «ясли», «волхвы», но не выстраиваются складно. Походить да спрашивать деревенских? Ну, нет! Он сам должен вспомнить!

Но никак и ничего не вспоминается.

– Мам! – кричит он с печки, высунув из-за трубы остренький носик.

Мать занялась постирушками, поэтому недовольно спрашивает, не отрываясь от жамканы в корыте:

– Чего тебе?

– Ты, мам, Христа когда-нибудь славил?

– Было дело... В детстве...

– А помнишь хоть одну песню?

Мать недовольно отвечает, выжимая его старенькую рубашонку:

– Где мне помнить? Давно было... Скоко годов-то пробежало.

Ванюшка не отстаёт и просит:

– Ну, мам, вспомни, а? Ну, пожалуйста! Что тебе стоит? – Заканючил он.

– Отстань, – говорит мать и перестает реагировать на упрашивания сына.

«Блажь» в голове Ванюшки не проходит и он, беспрестанно слюнявя кончик заостренного химического карандаша, пыхтя, будто паровоз на крутом подъеме, выводит вторую строчку, третью, четвертую. С трудом, но что-то получается. Перечитав несколько раз, удовлетворенно хмыкает. Ванюшка крестится и шепотом произносит: «Господи, помоги мне». Потом продолжает сочинять свою песню во славу Христа.

Закончил он, когда за окном сгустились сумерки, и мать зажгла настольную трехлинейную керосиновую лампу. Матери бы прочитать, но не решается: может схлопотать подзатыльник, вместо благодарности. Мать-то скоро на это самое: испытал на себе...

...Иван Васильевич слышит легкие и осторожные шажки, сопение (со зрением у него проблемы, а слух – о-го-го), приоткрывание двери. Он прекрасно знает, кто крадется, поэтому чуть-чуть приподнимает левое веко. Он видит в дверной щели сначала розовенький носик, а потом и блестящий голубенький глазик. Это замечательное существо, удовлетворив любопытство, прикрывает дверь и также тихо уходит. Юленька, его дочь, глухо ворчит: видимо, отчитывает Светланку за то, что та может разбудить уставшего деда.

Приятно, когда о тебе так вот заботятся...

...Выучив наизусть песню (слова он запоминает сходу), Ванюшка спускается с печки, заталкивает ноги в старючие (старшая сестренка таскала, а теперь вот ему достались) подшитые валенки, накидывает на плечи материну фуфайку, а на голову свою шапчонку, больше похожую на воронье гнездо, выходит во двор. В след слышит голос матери:

– Ты куда наострился?

Он не успевает ответить. Он спешит поскорее притворить дверь под предлогом того, что в избу рвутся морозные клубы.

Во дворе зябко. Он то и дело трет руками щеки, нос, уши. Он находит фанерку и вырубает топором из нее звезду. Думает: надо бы чем-то покрасить? От покраски отказывается. Во дворе ищет нечто, похожее на посох. Находит старый черенок от лопаты. К тупому концу приколачивает вырубленную звезду. Хорош посох со звездой! Плохо, что звезда не блестит. Надо, по мнению Ванюшки, чтобы звезда блестела. Находит выход.

Ванюшка идет в дом, возвращается с ковшиком воды и начинает струйкой поливать со всех сторон звезду. Вода, растекаясь, мгновенно замерзает, образуя стеклянную волнистую гладь. Ванюшка доволен: если завтра не придет оттепель, то у него будет посох со звездой как в сказке...

3

...Вновь в коридоре слышно шуршание, вновь в щелочке двери показываются все те же очаровательный носик и глазик. Иван Васильевич притворяется спящим. За дверью слышен шумный и протяжный вздох и удаляющиеся детские шаги.

На кухне тихо гудят голоса, оберегая его покой. И эти прекрасные минуты ему хочется продлить.

Какое счастье, когда есть кому оберегать!..

...Ночью Ванюшке приснился сон. Будто над крышей его дома плавает пуховая перина, а на ней сидит Он, оглаживающий остренькую бородку, свесив босые ноги и болтая ими в воздухе; вокруг – порхают ангелочки, старший из них почему-то грозит Ванюшке пальцем и укоризненно произносит лишь одно слово: «Нехристь, нехристь, нехристь...»

Ванюшка, разобидевшись, в конце концов, восклицает: «Не виноват я, не виноват!...»

Просыпается от толчка в бок. Старшая сестра тихо говорит: «Не кричи! Зачем спать мешаешь?»

Он, протерев глаза, отодвигает занавеску, выглядывает с полатей и убеждается, что светает, а светает в эту пору поздно, что ему пора собираться.

В его доме Рождеством и не пахнет. Потому что его родители никогда не празднуют, хотя и крещеные. Ванюшке было семь, когда в Рождество в дом шумно нагрянули христовлавы – с песнями и танцами. Отец, засверкав в ярости глазами, затопал ножищами и чуть ли не в шею вытурил славщиков.

Ванюшка осудил отца. Молча осудил. Про себя. Ему казалось, что люди пришли с добром, а не с худом, поэтому обходиться так нельзя. Грешно.

После того случая деревенские стороной обходят дом Ванюшки, не хотят нарываться на скандал. Опасаются.

Василий Алексеевич, отец Ванюшки, не последний человек в деревне. Он – колхозный счетовод. Значит? Сильно грамотный: за плечами семь классов. В уме может перемножить три трехзначных числа. Талантище! К тому же, как выражаются колхозники, «партийный». Этих самых «партийных» на деревню пятеро, но все они при большом и важном деле (по крайней мере, так кажется Ванюшке, потому что колхозники первыми стараются с ними при встрече раскланяться): кроме отца, Семен Силыч, председатель колхоза, направленец райкома, горький пьяница и бабник; тетя Маруся (к ней председатель чаще других навещается по вечерам), кладовщица, у которой после каждой ревизии выявляется недостача (так деревенские говорят, но что означает «недостача» – Ванюшка не знает), но ей прощают, потому что хахаля важного заимела; Пал Палыч, бригадир, потерял на войне левую ногу, там же и «партийным» стал; наконец, Макар Еремеич, самый нужный для деревни человек, а потому самый почитаемый (про него никто худого слова не скажет), – кузнец (золотые, говорят взрослые, у него руки).

«Партийные», по мнению всё тех же деревенских, самые настоящие безбожники, а потому православные праздники не справляют.

4

Ванюшка тихо-тихо сползает с полатей на теплые кирпичи русской печи, натягивает штаны, шерстяные носки, теплую сестрину куртку, валенки, малахай-шапчонку, перепоясывается старым красным материным платком и выскальзывает на улицу, не забыв прихватить сестрину портяную сумку на лямке, в которой та носит школьные учебники.

На дворе – светло, морозно, щиплет щеки и нос, перехватывает дыхание, реснички все в инее, слезинки на ходу обращаются в льдинки, но Ванюшку уж ничто не остановит. Он вешает на плечо сумку, берет в правую руку посох с ледяной звездой и выходит на улицу.

Он идет вдоль разбежавшихся в разные стороны домов, опираясь о посох и чуть сгорбившись. Это для того, чтобы больше походить на странника. Рано еще, а потому улица пуста.

Первый дом. Здесь тетя Маруся, кладовщица живет. Проходит мимо: может вытурить. Не рискует заходить во второй и в третий дома. А вот, поравнявшись с четвертой избой, сворачивает и смело идет во двор. Его встречает Жулька, безобидная собачонка. Оскалилась и зарычала. Не признала, видать. Но потом, ткнувшись мокрым носом в штанину, завилыла куцым хвостиком и запрыгала вокруг, слабо повизгивая. Учужала-таки!

Ванюшка, сопровождаемый Жулькой, поднялся на заиндевевшее крыльцо, доски которого захрустели, вошел в сени и постучал в дверь. Услышал голос тети Даши:

– Кто там? – не став дожидаться ответа, сказала. – Входите.

5

Ванюшка открыл тяжелую скрипучую дверь и вошел.

– Здравствуйте, люди православные! – пытаясь басить, сказал Ванюшка, потом перекрестился, глядя на икону Николая Чудотворца в красном углу, трижды поклонился. Потом заучено, поэтому не по-детски складно, спросил. – Рады ли страннику, заглянувшему в столь ранний час?

Тетя Даша, сидя на лавке возле стола и сложив на животе пухлые руки, отвечает ласково:

– Коль с добром пришел, то будем жаловать, мил человек, – она еле заметно улыбается, но Ванюшка от волнения этого не замечает. Ее муж, Петр Степанович, сидит в красном углу, положив изрезанные дратвой (он – шорник) натруженные руки на столешницу. Тетя Даша спрашивает. – Откуда и куда путь держит странничек?

Ванюшка очень серьезно продолжает басить:

– Издалека иду, из-за гор высоких, из-за моря синего. Путь мне предстоит долгий и трудный.

И Ванюшка начинает протяжно петь:

– Рождество твое, Христе Боже наш,
Вновь пришло сюда, в край российский наш,
Да в землю русскую, православную
И в сторонушку разлюбезную.

Ванюшка поет, а сам, уже чуть-чуть осмелев, косит глаз на хозяев. Думает: «Признали его или нет? Вроде бы, не признали. Чему удивляться, если даже Жулька не сразу разобралась, кто пожаловал».

Ванюшка добросовестно пропел сочиненную им вчера славку и закончил так:

– Восславим и мы своего Христа, православный люд, и помолимся! – он трижды перекрестился. Хозяева также перекрестились. – С Рождеством Христовым, Петр Степанович! С Рождеством Христовым, Дарья Марковна! Покровительства вам Господнего – от меня да от странника.

Тетя Даша встала с лавки.

– Разболокайся, странничек, и проходи к столу. Будем потчевать, чем Бог послал, христославца раннего, но родимого.

Тетя Даша ушла к печи и загремела заслонками. Ванюшка не стал величаться и, выставив за порог посох, чтобы в тепле не растаял, быстро скинул одежины, и присел слева от хозяина. Наклонившись в его сторону, тихо прошептал:

– Тетя Даша узнала меня или нет, дядя Петя?

Дядя Петя гладит жесткие вихры Ванюшки, подыгрывая, улыбается.

– Бог ее знает. Пожалуй, не признала.

У хозяев в войну пропал без вести единственный сын. Много лет прошло, а они все ждут сынка, все на что-то надеются. Ванюшка разделяет их горе, хотя и не понимает, как это можно «пропасть без вести»? Бывает Ванюшка у них часто. Его здесь привечают, ласковы с ним. А мальчишке только то и надо. Бедно живут люди, но в чистоте. Не скупердяи. Последним готовы поделиться.

Появляется тетя Даша, неся в руках тарелки и стаканы. Ставит на стол и в изумлении всплескивает руками.

– Ванюшка, ты?!

– Я, тетя Даша, я! – гордо отвечает Ванюшка.

– А я не признала. Все думала: кто это может быть с такой хорошей и длинной славкой? Кто тебе сочинил? Немало годков я прожила, а не слышала.

– Сам сочинил.

– Сам?! – В изумлении тетя Даша вновь всплескивает руками. – Господи, но ты еще и православные песни сочиняешь?

Ванюшка покраснел. Ему не хотелось признаваться, что это его первая в жизни песня, что написала сама собой.

– И-и-иногда, – смутившись, пролепетал он и потупил глаза.

Через минуту на столе перед Ванюшкой стояла большая тарелка с запашистыми ватрушками – пышными да румяными – и большой стакан с вареным в печи молоком, а также безумно вкусно пахнувший, запеченный с корочкой рождественский гусь. Ванюшке досталась мясистая правая нога. Это был рождественский пир.

...А вечером была большая трёпка. Кто-то из добрых людей поспешил сообщить «партийному» счетоводу Василию Алексеевичу, что его сын нынче христославил. Мог ли пропустить отец такую позорную весть?

...Иван Васильевич грузно повернулся на другой бок и тяжело вздохнул. Ему кажется, что та рождественская трёпка имела далеко идущие последствия. Он отказался вступать в партию. Ему, первому в цехе вагранщику, не раз предлагали. Как-то даже пригласили в заводской партком. Он подумал: «А на что козе баян?» Вслух же сказал другое: грамотёшки, мол, мало вато, чтобы стать «партийным» (он умышленно использовал именно это слышанное в детстве слово); недостоин еще, идейно не шибко-то подкован, в трудах Маркса-Ленина, мол, пока не разобрался.

А потом, назло «партийным» пошел в церковь и принял обряд крещения. Между прочим, было ему уже двадцать семь. В двадцать восемь родилась у него дочь. Полугодовалую девочку окрестил. Вызвали в профком. Стали воспитывать: позорит своим мракобесием трудовой коллектив. Послал «воспитателей» подальше и ушел, хлопнув дверью. Ничего не сделали. А что бы они сделали с работягой? Их же вождь сказал: рабу терять нечего, кроме своих цепей. С его-то квалификацией да не найти работу?..

За дверью вновь сопение и осторожные шаги, опять в щелочке носик и голубенький глазик. Теперь Иван Васильевич шумно вздыхает. Потягивается.

– О-хо-хо!

Открывает глаза, встает, опускает в тапочки ноги. И дверь спальни тотчас же с шумом распаивается. Ураганом влетает Светланка и повисает на его шее.

– Дедушка, ну, как можно так долго спать?! – восклицает она и гладит редкую стариковскую шевелюру. – Думала: не дожусь. Думала: помру, не дождавшись, – подражая взрослым, заключила вопросом. – Разве можно испытывать так долго мое терпение?

Он крепко прижал к себе ребенка.

– Извини, внученька. Не знал, что у меня такие гости.

Иван Васильевич встал, сопровождаемый внучкой, пошел в ванную, чтобы привести себя в порядок. Он долго и с наслаждением плескался.

6

Когда вышел, то увидел в гостиной накрытый стол и сидящих за ним дочь и зятя, а внучки не было, чему он удивился. Дочь встала и поцеловала отца.

– С Рождеством, папуль!

– С Рождеством, – сказал зять, и они обменялись рукопожатием.

Иван Васильевич присел на свой любимый стул. Дочь придвинула к нему столовые приборы. Зять стал открывать бутылки: для мужчин – водочку, для женщин – сухое.

И тут Иван Васильевич заозирался. Догадывается, что все это не зря, но...

– А где востроглазенькая озорница?

Дочь с зятем, как истинные заговорщики, переглянувшись, промолчали.

Скрипнула тут дверь. В гостиной показалась Светланка. Она была в сверкающем костюме Снежной Королевы и с посохом в руках, на конце которого сияла, подсвечиваемая изнутри разноцветными лампочками, Вифлеемская звезда.

Иван Васильевич воскликнул:

– Боже мой, какая красавица к нам пожаловала! Откуда?!

Вопрос повис в воздухе. Потому что Светланка своим чистым и свежим, будто у ангелочка, голосочком запела:

– Рождество твое, Христе Боже наш,
Вновь пришло сюда, в край российский наш
Да в землю русскую, православную
И в сторонушку разлюбезную.
Много лет назад, во хлеву-яслях
Принесла на свет Дева-матушка
Сына дивного, сына малого,
Сына ясного, сына светлого.
Увидав, волхвы не поверили
В чудо чудное, диво дивное,
Но взошла звезда Вифлеемская,
Господом нашим там зажженная.
То был знак всем им, знак пророческий:
На земле теперь есть Сын-Боженька.
Он – мессия, чтобы суд вершить —
Суд праведный, суд божеский.
Иисусом его нарекли волхвы.
Понесли они весть ту светлую
Во всю ширь земли, во всю даль морей.
А народ везде, столь возрадуясь,
Славить стал Христа, песни петь ему,
Видя в нем самом он заступника,
Покровителя, сына Господа.
Восславим и мы своего Христа,
Православный люд, и помолимся!

Светланка перекрестилась. Потом подошла к ошеломленному деду, обвила ручонками шею, поцеловала.

– С Рождеством Христовым, дедушка! – в горле Ивана Васильевича что-то застряло, а глаза повлажнели. Глазастенькая внучка заметила дедушкины слезы. – Ты плачешь, да? Рождество сегодня и надо радоваться. Тебе не понравилось, как я пела, да?

– Ну, что ты, радость моя! Понравилось.

– Очень-очень?

– Нет слов, внученька.

– А слезы?.. – спросила девочка, усаживаясь за стол возле деда

– От радости.

– Что ты говоришь, дедушка: разве можно плакать от радости?!

– Получается, можно.

– Странно, – сказала девочка, удобно перекочёвывая на дедушкины колени. – Я плачу лишь с горя.

Иван Васильевич заулыбался.

– И часто?..

– Плачу, что ли?

Дед отрицательно мотает головой.

– Нет. Часто к тебе горе приходит?

– Не часто... В декабре в последний раз ревела?

– Из-за чего?

– Учителка двойку врубила.

Дед, изумившись, спрашивает:

– Заслужила, поди?

– Ну, да! Скажешь тоже. Не знаешь, что я учусь на одни пятерки?

– Все мы грешны.

– Учителка – больше других. Несправедлива она!

– Надо уметь, девочка моя, прощать. Иисус Христос, сама знаешь, через какие муки прошел.

Девочка встряхнула головой и ее косички сначала взлетели вверх, а потом, пощекотав шею старика, улеглись вновь на ее спине.

– Знаю. Его злые дяденьки распяли на кресте... А в ручки его гвозди заколотили.

– Ну, вот... А Христос простил всех своих мучителей.

Светланка опустила глаза.

– Трудно... это... ну... прощать-то.

Дед прищурился.

– Кстати, ты мне не сказала, откуда ты эту славку взяла?

– Песню-то, что ли?

– Ее. Мне казалось, что...

Девочка наклонилась к уху дедушки, рассмеявшись тихо-тихо, не выдавая секрета, совсем другое прошептала.

– Уж, знаю, Анька, когда скажу ей, позеленеет от зависти. У нее-то нет дедушки, который песни пишет.

– Ну, Светик, я ведь тоже... Только одну и написал... Случайно.

– Не случайно, дедушка, – строго поправила Светланка, – а по воле Господа нашего.

Иван Васильевич рассмеялся.

– Твоими устами, моя любимица, глаголет истина.

Девочка ничего не поняла из последних слов деда, но ей показалось, что он сказал что-то очень-очень хорошее, поэтому прижалась к дедушке, и на душе того, как и у внучки, стало светло-светло.

...Жива Иванова славка, жива!.. И слава Богу!

Всем по счастью

1

Мама думает, что ей всего ничего, – каких-то четыре года и семь месяцев. Она же, в отличие от мамы, считает себя сильно-сильно большой. Мама говорит ей: «Глупышка, ты моя». Она сердито насупливается и отворачивается, думая про себя: «И никакая не „глупышка“... Кто в детсаде везде первой, а?»

Она лежит в постели, укутавшись почти с головой. Лишь из-под края одеяла светятся изумрудинки-глазёнки.

– Дарья, – это мама из соседней комнаты, – помолиться не забыла?

– Не забыла, мам, – отвечает девочка и весело прыскает в одеяло.

– И молитву прочитала?

– А как же, мам.

– А крестик поцеловала?

– Ну, да-да, мам.

Так каждый вечер... Сколько себя Дарьюшка помнит. Девочке чуть-чуть даже смешно: мама ее, такую взрослую, принимает за ляльку какую-нибудь, сыплет вопросами, на которые заранее знает ответы. Девочка считает: все мамы такие – озабоченные. Слово «озабоченные» услышала от взрослых, гуляя во дворе, и оно ей понравилось, хотя вряд ли понимает его значение.

Девочка тарашится на слабо мерцающий ночничок. Глаза слипаются. Дарья изо всех сил борется со сном, но тот все ближе и ближе подкрадывается, подступает, веки тяжелеют и тяжелеют. Дарья – совсем не капризная: если мама говорит, что пора спать, то она послушно идет в постель. Но сегодня... Нет-нет, не каприз – это другое. У девочки неисполненное обязательство, ею придуманное еще днем. Она приготовила обращение к тому, чей завтра день рождения. От кого-то слышала, что если сильно-пресильно чего-то хочется, то надо попросить Боженьку семь раз.

И она шепчет:

– Боженька... родненький, подари на завтрашний праздник моей маме много-много смешинок... Чтобы весь день радовалась и не смотрела грустно на меня. И, – она переводит дух, – еще: сделай так, чтобы папуля отпросился на работе (мама говорит, что он много-много работает и ему вечно некогда) и пришел, ладно?

Дарья загибает, чтобы со счета не сбиться, четвертый палец и засыпает.

2

... Девочка, встряхивая огромным алым бантом, мурлыча что-то под нос, гуляет по газону и срывает огромные, пожалуй, с блюдце, одуванчики. Она удивлена (зима же, а тут цветы, теплое солнце и радующиеся птички высоко в небе), но не очень. Она скашивает глаза влево и видит, что по тротуару, постукивая об асфальт толстенным, не очищенным от веток, сучком, идет дедушка. Вглядывается и ей кажется, что его где-то уже видела: вытянутое скорбное лицо, печальный взгляд и небольшая бородачка уж больно знакомы. Силится вспомнить, а никак не может. Дедушка останавливается, почему-то укоризненно и долго смотрит на девочку, потом в осуждение встряхивает бородкой и спрашивает маминым почему-то голосом:

– Что ж, ты, дурёха этакая, с ерундой всякой обращаешься, а?.. Не стыдно, нет? Какие смешинки?.. Зачем они?.. Я, вот, без них обхожусь и ничего.

Девочка догадливо спрашивает:

– Вы... Боженька, да?

– А то!.. – Теперь уже голосом дворового ее друга отвечает старичок.

Девочка уже готова расплакаться.

– Значит... вы... вы... не сделаете? Нет-нет?

Дедушка встряхивает бородкой, потом, разглаживая ее, фыркает.

– Ладно бы, – говорит Боженька опять маминым голосом, – Барби попросила, как подружки, а то... Эх, невидаль...

– Не надо кукол! – истерично рыдая, девочка валится на газон и начинает дрыгать ногами (мама ее никогда такой не видела). – Хочу, чтобы мама порадовалась! Хочу! Хочу! Хочу!..

И девочка ничего не видит, а лишь слышит:

– Приснилось, что-то, да? – это мамин голос. Девочка приоткрывает чуть-чуть глаза: над ней мамино лицо, такое родное и близкое. – Успокойся и спи, доченька.

Девочка жметя к маминой теплой и мягкой ладони и вновь засыпает...

3

– Вставай, сонюшка-засонюшка, – будит ее утром мамин бодрый голос. – С Рождеством, Дарьюшка!

Девочка уже знает: когда мама так называет, то это значит одно – она счастлива. Неужели?.. Ей страшно открыть глаза: а что, если это всего лишь сон? Рискую потерять маленькую надежду, девочка слегка приоткрывает глаза и сквозь крохотные щелочки видит доброе мамино лицо и... улыбку.

– Ур-р-ра! – кричит во всю мочь девочка, вскакивает и радостно прыгает на кровати. – Получилось! Получилось! Получилось!

– Что именно «получилось»? – спрашивает мама.

– Боженька сделал!

Мама пожимает плечами.

– Боженька? Сделал? Что именно?

– А не скажу!

Мама смеется.

– Скрытничает?.. От мамы?.. А хороши ли?

Дочь спрыгивает с постели, надевает теплые мягкие тапочки и летит в ванную, чтобы, как любит говорить мама, привести себя в порядок. И уже оттуда кричит:

– И тебя, мамочка, с Рождеством!

4

Половина второго. Заскрежетал звонок. Первой у двери, что естественно (она так ждет исполнения еще одного желания!), очутилась Дарьюшка. Она, не спрашивая (девочка знает, так по крайней мере ей кажется), поворачивает замочную щеколду, открывает и взвизгивает:

– И ты пришел!

Девочка повисает на шее отца, прижимается к его колючей щеке.

– Тебя так долго не было, – и, подражая кому-то из взрослых, строго добавляет. – Нельзя много работать.

Отец улыбочиво смотрит ей в глаза.

– Иначе не получается... Извини...

Девочка, жарко дыша в ухо, шепотом спрашивает:

– Пап, тебя Боженька с работы отпросил, да?

Отец целует в румянец ее щеки.

– Он, родимый. И, – залазит рукой в наплечную сумку, шуршит там, достает целлулоидную яркую коробку, подает дочери, – просил передать рождественский подарок.

Девочка берет, спрыгивает с отцовских рук, хмыкает, относит подарок в свою комнату и тотчас же возвращается.

– Спасибо, пап, но я же говорила Боженке, что этого не надо...

– И даже не посмотришь, что за подарок? – удивившись, спрашивает отец.

– Я знаю: Барби, – равнодушно отвечает дочь.

– Знаешь?! Но откуда?!

– От Боженки.

5

...Дарюшка сидит в своей комнате. Слева – по-прежнему нераскрытая коробка с главным подарком. Высунув кончик розовенького язычка, рисует дом. Дом получается большой, на четыре окна, выходящих на улицу. Окна – настежь. Из первого выглядывает ее отец, из второго, широко улыбаясь, – мамулька, из третьего – она сама с косичками торчком, а на подоконнике четвертого сидит Муська, топорщит пышные усы и усердно замыкает гостей. Топится печь. Из трубы вьются голубые струйки дыма. Крыльцо высокое и широкое, а дверь в дом – нараспашку.

Девочка дорисовывает деревья и цветы в палисаднике напротив дома, а из кухни сочатся всякие приятные запахи. Девочка знает: мама готовит рождественский обед.

У ног девочки, несмотря на кухонные соблазны, трется Муська, громко мурлыча. Трется и смотрит вверх: ждет, когда на нее обратят внимание.

Дарья отрывается от занятия. Муська, будто того только и ждала, прыгает на колени, ложится, закрывает глаза и блаженно мурлычет.

– С Рождеством, Мусенька! – говорит девочка и нежно гладит по спинке.

Муська в ответ:

– Мр-р-р, мр-р-р, мр-р-р, – довольно урчит, не открывая глаз. Дарья любит разговаривать с любимицей, понимает все, что та хочет сказать. – И тебя, – отвечает Муська, а потом спрашивает. – Подарками, пожалуй, завалили?

Девочка утвердительно кивает.

– Папулька Барби подарил и еще игру.

Муська открывает глаза, удивленно (так кажется девочке) смотрит на нее.

– Мур-р-р... компьютерную, не иначе... Стрелялку, да?

– Ну, что ты, Муська! – восклицает Дарья. – Я – девочка!

– Мяу-у-у... – Муська фыркает и встряхивает головой. – И что из того?

– Знаешь, какая игра?

– Расскажи и узнаю тогда.

– Игра называется «Маленькая няня».

Муська потягивается, потом зевает.

– Пожалуй, скуотища.

– А вот и нет! – возражает Дарья. – Мне надо так подготовить ко сну ляльку, чтобы, не капризная, сразу уснула: помыть в ванной, обтереть полотенцем, хорошо запеленать, покормить из бутылочки, покачать на руках, успокоить, значит, и уложить в постельку.

– Ур-р-р... Получается?

Девочка отрицательно мотает головой.

– Нет... Беспрестанно верещит... Я научусь, обязательно.

Муська щурит глаза и признательно урчит.

– И меня, мяу-у-у, не забыли, знаешь?
– Догадываюсь, – отвечает девочка и хитро подмигивает.
– Мяу... Попробуй угадать с трех раз, что мне подарили?
– Попробую угадать с одного раза. Пожалуй, – девочка притворяется, что думает, – твоих любимых карасиков.
Муська крутит головой и фыркает.
– Мяу-у-у... Так нечестно. Подсмотрела, да?
– Я угадала.
– Карасики, знаешь, какие вкусные? Мр-р-р, мр-р-р, мр-р-р.
Дарьюшка разговаривает с Муськой, а не забывает прислушиваться к голосам, глухо доносящимся с кухни. Она слышит, как отец что-то говорит, а мама звонко в ответ смеется.
На лице Дарьюшки счастливая улыбка.

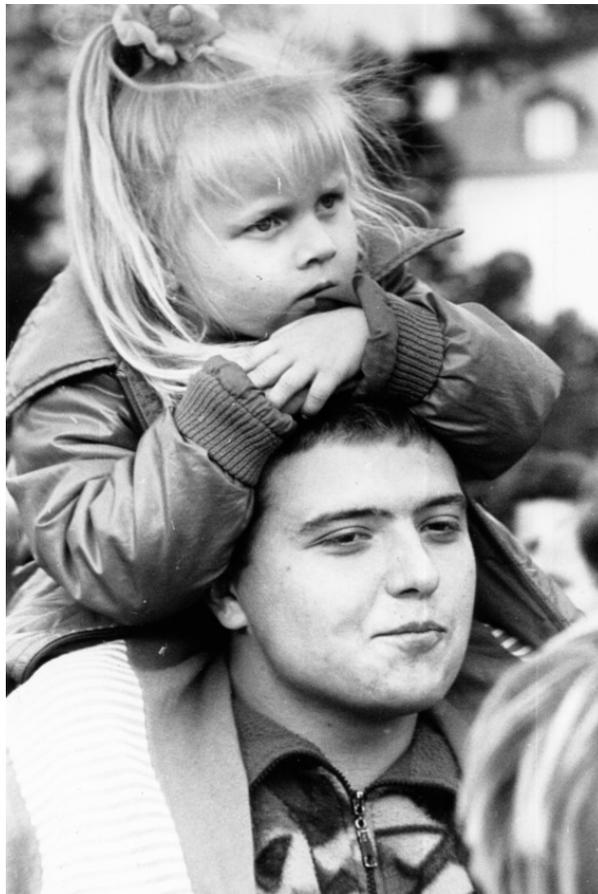
6

Потом – общий праздничный стол. Весело все лопали вкусотищу – рождественский пирог с гусиной начинкой.

Дарьюшка, склонившись, смотрит под стол: там Муська, хрустя косточками, приканчивает гусиное крылышко. Муська, оторвавшись на секунду от столь приятного ей занятия, смотрит на Дарьюшку. Дарьюшка понимает ее говорящий взгляд.

– Мр-р-р... Обалденное крылышко, – облизнувшись, Муська отворачивается и принимается за старое.

И все – счастливы!

Мальчонка с горочки скатился

Годы Олега Васильевича Карамышева, подбираясь к восьмидесяти, не щадят: ноги плохо слушаются, в висках постоянно какие-то молоточки стучат, одышка при ходьбе, откуда ни возьмись, объявилась. С глазами также не все ладно. Пару-тройку лет назад, кажется, еще был ничего: все ночное рождественское богослужение выдерживал, а сегодня...

– Господи! Прости меня, грешного.

Произнес он вслух и тяжело заворочался в постели. В изношенных суставах ног что-то захрустело. В спальней – полумрак. Значит, снова пасмурно. Без сверки с будильником. стоящим на тумбочке у изголовья, знает: не меньше, как десятый час. Встал бы, да слабость какая-то. К тому же мысли нехорошие, путаясь и цепляясь одна за другую, ворочаются в пустой (так он считает) голове.

Старик прикрыл было глаза, надеясь, что удастся еще чуть-чуть подремать, но услышал легкие стуки в дверь его спальни. И гадать ему не надо: это внучка со своим семейством с утра пожаловала. У семейства этого свои ключи, поэтому приходит как к себе. Впрочем, и уходит столь же неожиданно. Олег Васильевич, опершись на локоть, приподнялся.

– Входите же... Не сплю...

В ту же секунду дверь распахнулась и, подобно тайфуну, влетела девчужка, внучка восьми лет, точнее, правнучка, дочь внучки его, Настеньки.

– Здравствуй, дедуль! С православным Рождеством тебя!

Подскочив и обняв старика, девчужка поцеловала в обе щеки, пригладив на его голове седые сбившиеся пряди волос, присела на кровать.

– Здравствуй, голуба душа, здравствуй... И тебя с праздником. – Он погладил по голове девочку.

Наклонившись к его уху, та зашептала:

– Мама, знаешь, готовит праздничный стол. Вкусняшек будет много, но не скажу, что это за вкусняшки. Потому что мамин секрет.

Олег Васильевич притворно насупился.

– Маришка, а ты почему маме не помогаешь?

Девочка, отстранившись, замахала руками.

– Я долго-долго помогала... Знаешь, дедуль, всю твою посуду перемыла и насухо вытерла – вот!

– Неужели мои тарелки были такими грязными?

Маришка отрицательно замотала головой.

– Нет, но... На всякий случай... Чтобы микробов было поменьше... Ты же старенький и тебе трудно...

Старик еле-еле улыбнулся.

– С микробами воевать?

– Конечно...

– Но, Мариш, они же крохотулечки.

– Но такие противные... Везде лезут, – подумав секунду, добавила. – Учительница говорит.

– Кстати, какие успехи, внученька?

– В школе, что ли?

– Ну... хотя бы...

– Нормально, дедуль.

– А что это означает?

– Нормально, значит, нормально.

– Ну, да, – притворившись серьезным, стал возражать Олег Васильевич. – Есть такие, для которых перебиваться с двойки на тройку – это даже хорошо. Выходит, что ты...

– Вот еще! – Вновь тряхнув головой, отчего вверх взлетели две тяжелые косички с огромным розовым бантами, воскликнула девочка и добавила. – Полугодие без троек.

– Тоже не предмет гордости.

– Как это, дедуль?

– А так... Если бы...

– Но у меня всего одна четверка.

– И что тебе помешало получить и здесь пятерку, а?

– Не знаю, дедуль. – Помолчав и подумав пару секунд, серьезно добавила. – Поленилась чуть-чуть, дедуль...

– Это ты так считаешь?

– Не я... Мама говорит.

– Что-то отца не слышно... Здесь он?

– Папулька, конечно, с нами. Он молча...

– Молча? – Переспросил старик, притворившись, что не понимает.

– Молча режет овощи для салата. Он – не в меня...

– Да?

– Я – трещотка ужасная, а папулька – нет.

– Тебе повезло.

– Еще как, дедуль, повезло... Дедуль, – девочка сделала паузу, – праздничный стол – после...

– Жаль, что не сейчас, – усмехнулся старик.

– Да... Но мы скоро вернемся... Сбегаем только в церковь... Дедуль, пойдем с нами, а?

– С радостью бы, голуба душа, – старик тяжело вздохнул, – но... что-то не очень чувствую себя... Надеюсь, что Господь простит меня... Как считаешь, простит?

– Обязательно, дедуль... Потому что ты старенький и тебе тяжело.

– Дай-то Бог...

Девочка вскочила. Старик спросил:

– Мариш, ты куда?

– Я сейчас. – Она убежала и тут же, держа в руках электронный аппарат, вернулась. –

Проверим, дедуль, давление.

– Может, мне сесть?

– Лежа – даже лучше, дедуль. Протяни вдоль тела левую руку... Так... – Девочка закрепила манжету. – Не туго, нет? – включила в сеть аппарат, нажала на одну из кнопок, прибор зажужжал, а потом замолк. Глядя на дисплей, закачала головой. – Сто сорок на девяносто...

– Как выражаются нынешние врачи, – старик усмехнулся, – в пределах возрастных изменений.

– Ага! А у меня, дедуль, почему-то никаких возрастных изменений.

– Откуда возьмутся?

– А как же! Я же тоже возрастно изменяюсь: было семь лет, сейчас восемь.

– Логично... Но тебе рано...

– А когда будет в самый раз?

– Проживешь с моё и...

– Долго ждать-то, сильно долго.

– Жизнь, голуба душа, проскакивает незаметно.

– Дедуль, а когда ты был маленьким...

– Давно это было, Маришка, очень давно...

– Все равно... Ты помнишь свое Рождество? Самое-самое первое, а?

- Помню, но... Тогда другое время было и... Не стоит вспоминать.
- Маришка поцеловала деда.
- Расскажи, дедуль, ну, расскажи, пожалуйста.
- Это было семьдесят лет тому назад...
- Ни-че-го себе!
- Да... Три года, как закончилась большая война. Мы тогда жили в деревне Крутая Гора. Голодное время было, все еще тяжелое...
- Даже пирожных со сливками не было?
- Какие, голуба душа, пирожные, тем более, со сливками? Даже хлеба ржаного не всегда хватало... Впрочем, рассказ не об этом... Так вот... Седьмого января (воскресенье было) грянул хороший такой морозец. Одевшись потеплее, то есть натянув на себя все, что попало под руку, вышел во двор. Взяв за головку прислоненные к крыльцу деревянные салазки...
- А что такое, дедуль, «салазки»?
- Не знаю, как тебе объяснить... Ну, такие самодельные деревянные маленькие санки... Были большие сани, в которые лошадь запрягали, а были их маленькие копии... Мы из тогда называли не санками, а салазками. Мы на них хворост из леса возили, чтобы камин дома топить.
- Это, дедуль, как у Некрасова: лошадка, везущая хворосту воз. Так, да?
- С той лишь разницей, что у поэта на лошадке все-таки хворост возили, а мы сами, запрягшись, волокли. Под гору – ничего, а вот в гору... Тяжело... Семь потов сойдет.
- А мы, дедуль, на даче камин березовыми поленьями топим. И... у нас никакого хвороста нет.
- Сейчас – так, а в мое детство...
- Дедуль, разве хворост плоше дров?
- Нет слов...
- Дедуль, а из чего делался хворост?
- Хворост, голуба душа, это сучья от спиленного дерева.
- А-а-а... Почему сейчас нет хвороста?
- Его за ненадобностью сжигают прямо на лесной делянке.
- Просто так сжигают?
- Да. Чтобы делянку не засорять.
- А-а-а...
- Так вот... Взяв за головку прислоненные к крыльцу деревянные салазки, вышел на деревенскую улицу. Дома стояли только по одной стороне и домов этих было не больше пятидесяти. На другой стороне улицы начинался очень глубокий и крутой овраг, в самом низу его стояли вековые ели. Любимое детское занятие в Рождество, а других не было, – скатываться на салазках вниз. Так, бывало, мчишься, что дух захватывает.
- Круто! – Представив себе, восхищенно сказала девочка и потрянула головой.
- Но страшно, а поэтому и нравились нам спуски: лихачили, друг перед другом бойчились. Кому захочется показаться трусом?
- Дедуль, знаешь... Я бы... ну... это...
- Олег Васильевич понял внучку. Улыбнувшись, заметил:
- Вот визгу-то бы было.
- Дедуль, я чуть-чуть только трусиха.
- Старик, притянув девочку, поцеловал:
- Чуть-чуть – это Маришенька, не считается.
- И я девочка...
- Тем более...
- Маришка затормошила дедушку.

– Что дальше-то было, а?

– Стою, значит, на улице. Мороз цапает за нос, а мне ничего. Тут вижу: в мою сторону бежит дружок, одногодок Сережка, живущий за три дома от меня, и руками размахивает. Понятно: хочет присоединиться; у него-то нет салазок таких.

– Фи! Пошел бы и купил.

– Откуда деньги, голуба душа? У тогдашних колхозников сроду их не было.

– Как это, дедуль? Кто работает, тот денежку получает.

– Только не в колхозе... Работали за палочки, то есть за трудовни. Если в поле с утра до ночи, то бригадир начисляет полтрудодня; если на ферме, то целый трудодень, а то и полтора... Ладно, Мариш... Будет об этом... Вот... Санки-то небольшие... Вдвоем тесновато... Но ничего... Другу как отказать? Друг, значит, впереди, вплотную к головке салазок, а я за ним, за спиной Сережки. Из-за него впереди мне ничего не видно, поэтому рулит, то есть следит и направляет, Сережка. Один раз съехали, все нормально. Потом второй и третий раз. Весело нам. Хохочем.

Маринка спрашивает:

– Одни, что ли катались?

– Нет... Были и другие мальчишки. Для того и рулевой нужен был, чтобы не налететь, не сбить кого-нибудь. Выбравшись в очередной раз из оврага, решил, что пора домой. Сережка стал упрашивать: давай, мол, еще раз спустимся. Разохотился. Сдался, потому что и самому не хотелось особо-то домой. И вот летим. Сережка, как обычно, широко расшеперил, держа на весу, свои ноги. Я также держу на весу ноги, чтобы они не мешали набору скорости при спуске, но параллельно салазкам. Хорошо, как никогда, мчимся. И тут вдруг обе мои ноги со всего маху ударяются во что-то. В глазах – синенькие, зелененькие круги, туман. И страшная боль. Оказалось: Сережка прошляпил, не отворотил в сторону, и мы ударились в преогромный ствол ели. Сережке-то ничего: легким испугом отделался...

– А ты, дедуль?..

– Мне не повезло, голуба душа.

– Как это? Ты же сзади сидел.

– То-то и оно, что сзади! Салазки-то маленькие. Мои ноги находились впереди головки и удар пришелся по ним... Сгоряча попробовал встать, но не смог. С трудом наверх пополз, а Сережка потащил салазки. Кое-как вылез. Там снова попробовал встать. Не получилось. На ровном-то месте дружок смог меня до дома довезти. Там тихонько, чтобы мать не увидела, заполз в дом, преодолевая боль в ногах, кое-как взобрался сначала на печку, а потом и на полати.

Маринка, нахмурившись, спросила:

– Почему не в больницу?

– Ну, знаешь ли... Никакой больницы в деревне не было.

– Вообще?!

Олег Васильевич кивнул и тяжело вздохнул.

– Такое вот Рождество у меня случилось.

– А что, дедуль, потом было?

– Лежу, не шелохнувшись, на полатах час, другой, третий, а дикая боль в ногах не проходит. Вечер. С полатей вижу, что мама собирает ужин на стол. Мама зовет. Говорю, что не хочу есть. Мама отступает. Я облегченно вздыхаю. Боязно признаться в том, что со мной случилось. Ночь промаялся. На другой день мама говорит мне, чтобы сходил за водой. Какая вода, если ногами пошевелить не могу? Мама думает, что я не слышал, поэтому повторяет. Только тут я признаюсь, что не ходок. Пришлось рассказать все, что со мной случилось. Мама забралась на полати, осмотрела ноги. Увидев, что они распухли и посинели, ахнула. Тут же стащила меня

вниз, одела, вынесла во двор, посадила в салазки и повезла к бабке-знахарке. Та осмотрела, ощупала и заключила: переломов костей нет.

– А... тогда что? – с придыханием спросила правнучка.

– Сильные ушибы и вывихи. Тут же поставила на место вывихнутые кости. Через неделю боли прошли.

Маринка встала, заботливо поправила одеяло и подушку, поцеловала деда в небритую щеку.

– Отдыхай, дедуль. Береги ушибленные косточки. Мы скоро вернемся и тогда отпразднуем. Сегодняшнее Рождество – не тогдашнее.

– Будем надеяться, – сказал Олег Васильевич и грустно усмехнулся.

Она помахала рукой и тихо вышла из комнаты.

А дед, прикрыв глаза, подумал: «Добрая растет девочка, с заботливой и теплой, как у ангелочка, душой».

Гимн дружбе

1

Из-под куста жимолости выскочил на лесную полянку маленький беленький и пушистый комочек. Осмотрелся. Подняв кверху длинные ушки-локаторы, поведив ими в разные стороны, отряхнулся, вскочил на пенек, разбросал снежную подушку и передними лапками стал отчаянно стучать.

Да так громко стал стучать, что проснулся Маленький Ёжик, семейка которого (мама, папа и три братика) давно уже обосновалась под пнем, оборудовав уютную, сухую и просторную норку.

Маленький Ёжик, высунув наружу остренький носик, чтобы не разбудить семью, зашипел:

– Чего расшумелся, косоглазый? – подражая своей маме, когда та укоряла его, заворчал. – Все давно третий сон видят, а ты барабанишь.

Маленький Ёжик не знает, как можно «третий сон видеть», но сказал. Потому что от мамы не раз слышал, а мама, как он считает, глупости говорить не станет.

Белый Комочек, которого Маленький Ёжик обозвал косоглазым, перестал отбивать дробь, сложил на спинке ушки-лопасти, нагнулся, посмотрел туда, откуда послышалось недозвольное шипение и откуда на него светились две крохотные бусинки.

– Салют, дружище! – бодро сказал он и радостно фыркнул.

Маленькому Ёжику понравилось приветствие, но, подражая папе, он, передернув колючей спиной, не стал сразу выражать свое чувство. Высунувшись наполовину наружу, поведив носиком в разные стороны, Маленький Ёжик, будто всё еще сердясь, прошипел:

– Зима... ш-ш-ш... ночь... ш-ш-ш... спать надо... ш-ш-ш... Бездомный, ш-ш-ш, что ли?

– Ага!

– Ш-ш-ш, как это?

– Так! – беззаботно ответил Белый Комочек, которого Маленький Ёжик обозвал косоглазым, и пояснил. – Меня каждый кустик ночевать пустит.

Маленький Ёжик уже весь вылез из норки и сидел, поджав лапки под себя, на порожке.

– Бедняжка, – он шумно фыркнул и перестал шипеть, потому что не опасался разбудить семейку. – Холодно на ветру-то и на морозе?

– Нормально!

– Ну, да, – Маленький Ёжик покачал головой, тем самым выражая сильное сомнение.

– А ты, – Белый Комочек, прыгнув вниз, лапкой погладил себя, – посмотри, какая у меня замечательная шубка.

Маленький Ёжик, ткнувшись носиком в мех, подтвердил:

– Мякенькая и такая... ну... такая... кра-си-вая... как снег... и совсем не холодная...

– Ну, а я что говорю? – Самодовольно сказал Белый Комочек. Почесав левой лапкой загривок, хвастливо добавил, чтобы окончательно сразить Маленького Ёжика. – У меня две шубки: летом – серенькая, зимой – беленькая.

Маленький Ёжик, шумно вздохнув, сказал:

– Маменька говорила, что со временем и у меня будет новая шубка, но только...

Белый Комочек перебил:

– Но только не такая красивая, как у меня! У тебя... – он осторожно прикоснулся лапкой и тотчас же отдернул, – ай, как больно. Видишь? Нет, ты видишь?!

Маленький Ёжик кивнул.

– Ага.

Белый Комочек посоветовал:

– Попроси родичей, чтобы достали такую же.

– Нет-нет-нет, – Маленький Ёжик решительно замотал головой, а, чуть-чуть подумав, глубокомысленно добавил. – Своё – всегда лучше, чем чужое. Как мне часто говорит маменька, свои сопельки всегда слаще.

С самой высокой сосны давно уже за ними наблюдают ярко сверкающие в ночи две льдинки. С южной стороны вместительное дупло, а в его дверях – Хитренькая Мордашечка. Глядит вниз, распушив усы. Ей хочется спуститься вниз и также похвастаться своей шубкой. Но... Она помнит про страшный запрет матери: без меня – за порог ни ногой. Но мама спит, папа спит, и две её сестрички также спят, а её, Хитренькую Мордашечку (так мать назвала при рождении), сон никак не берет. Ну, вот, сильно-сильно, долго-долго держит зажмуренными глазки, а они все равно раскрываются.

Все-таки Хитренькая Мордашечка вылезает из дупла, садится на ближайший сук, осматривается по сторонам и, распушив хвост, начинает спускаться вниз. Она тихо спрыгивает в сугроб и незаметно подкрадывается к Маленькому Ёжику и Белому Комочку сзади.

– Добрый вечер, – говорит Хитренькая Мордашечка, ухмыляясь в пушистые усы.

Те, захваченные врасплох, вздрагивают. Маленький Ёжик сворачивается в ошетинившийся клубок. Зайчонок же – стремительно прыгает в сторону. Первым приходит в себя Белый Комочек.

– Черт! – восклицает он, издали рассмотрев бельчонка. – Напугала.

– Чем? – невинно спрашивает Хитренькая Мордашечка. – Я же ласково поздоровалась, дружески... Голос...

– Ну, – Белый Комочек вернулся назад и сел, – голос ничего не значит. Бывают такие притворщики, что...

С макушки старой березы раздался старческий хриплый голос Черного Ворона.

– Каррр! Каррр! У людей таких называют паррродистами.

Маленький Ёжик, почувствовав, что опасности нет никакой, распрямился, встал на задние лапки, вытянул остренький хоботок вверх и спросил:

– Шпионишь, дедуль?

Старый Ворон сердито нахохлился и закричал:

– Каррр! Каррр! Каррр! Не шпионоу, а контрррр-олирррр-ую обстановку... За вами глаз да глаз нужен...

Над поляной, откуда ни возьмись, закружился молодой сороченок. Сделав несколько кругов, опустился на снег, рядом с бельчонком. Сложив аккуратно крылья, почистив клюв о снег, затрещал на всю поляну:

– За кем глаз нужен?... За мной?... За вами?... Лечу... Слышу... Дай, думаю, поинтересуюсь...

Черный Ворон, продолжая все еще хохлиться, проворчал сверху:

– Любопытной Варваре, знаешь, что на базаре сделали?

Чиркнув два раза правым крылом по снегу, сороченок, изображая из себя крутого, пропел сквозь клюв:

– Помолчи, дед! Не мешай молодежи тусоваться!

– Каррр! Грррр-убиян! – Черный Ворон обиженно отвернулся.

Хитренькая Мордашечка, поджав губы (так делала её мать, когда была ею недовольна), укоризненно сказала:

– Прилетел... Сел... Не поздоровался... Не представился... Черному Ворону нагрубил.

Сороченок удивленно спросил:

– Об чем базар, мужики?

Маленький Ёжик культурно поправил:

– Ну, во-первых, здесь нет мужиков...

– А кто?

– Мужчины... Во-вторых, здесь есть и юная леди.

– Хитренькая Мордашечка, что ли? Ну, блин, вы и даете! Еще та оторва!

Маленький Ёжик продолжает гнуть своё.

– Наконец, в-третьих: если хочешь с нами общаться, или как ты выражаешься, тусоваться, то забудь про свои противные словечки.

– Обиделись? – спросил сороченок.

– Дело не в обиде, а в том, что здесь приличное общество.

– Если так, то прошу пардону, судари! – сороченок отвесил общий поклон Маленькому Ёжику и Белому Комочку. Потом повернулся к Хитренькой Мордашечке, выгнув спину, по-рыцарски склонился в персональном поклоне, прочертив крылом перед нею на снегу полукруг. – Извините, сударыня!.. Позвольте с вами на «ты»?

Хитренькая Мордашечка хихикнула.

– Можешь, но скажи нам, как тебя зовут?

Сороченок выпятил грудь:

– Позвольте представиться: Крутой Бок, к вашим услугам!

– Это и видно, – иронично заметил Маленький Ёжик и фыркнул, намекая на его недавнюю крутизну.

А еще от зоркого взгляда Маленького Ёжика не ускользнуло то, какое благоприятное впечатление произвели расшаркивания на Хитренькую Мордашечку. Маленький Ёжик чуть-чуть заревновал.

Крутой Бок примирительно сказал:

– Забудем.

Из-за корявого ствола березы показалось остренькое, вытянутое вперед, рыльце лисёнка. Все заметили. Но не испугались. Разве что Маленький Ёжик почему-то поёжился. Однако и ему не хотелось показывать, что новоявленная ему не слишком-то по нраву. Неприязнь возникла сразу, но отчего? Сказать он не мог.

– Кажется, еще одна леди пожаловала, – сказал Крутой Бок. Он крылом сделал приглашающий жест.

– Подваливай... простите, леди... Милости просим, в нашу компанию.

Юная особа во втором приглашении не нуждается. Виляя дружелюбно роскошным хвостом, она подошла и села на снег, картинно скрестив на груди передние лапки.

– Здравствуйте, – она потянула носом и облизнулась. Белый Комочек отодвинулся почему-то на полметра. Леди обратила внимание на это перемещение: причина ей понятна, поэтому поспешила успокоить общество. – Простите... Виной всему проклятые, как говорит Старый Лис, дед мой, инстинкты.

– А... Что такое «инстинкты»? – спросил Маленький Ёжик.

– А этого, крошка, – она протянула лапу и хотела погладить, но Маленький Ёжик предусмотрительно отодвинулся, – я и сама не знаю. Мой дедушка, Старый Лис, столько лет борется с инстинктами, а победить не может... Так мама говорит.

Пришел на помощь Черный Ворон, который забыл обиду и вновь взирал на всех с высоты своего положения.

– Каррр! Инстинкт – это, молодежь, есть приррродная ррреакция орррганизма на ррр-раздррражитель.

Все переглянулись, из чего стало ясно: никто ничего не понял. И спрашивать не имеет смысла: тут что ни слово, то загадка.

Хитренькая Мордашечка, вильнув хвостиком, сказала:

- Дедуль, ты ученый – это все мы знаем...
- Черный Ворон поправил:
- Карррр! Не ученый, а умный.
- Пусть будет так, но разве ты не можешь объяснить, чтобы каждый дурак понял?
- Черный Ворон захлопал крыльями и пересел на другую ветку.
- Карррр! Люблю самокритику.
- Хитренькая Мордашечка умоляет:
- Объясни, дедуль, а?
- Карррр! Ну, хорошо. Юная лисичка, увидев вблизи тебя, зайчонок, облизнулась. Так, да?
- Так! – чуть ли не хором ответили все.
- Карррр! Что сделал зайчонок?
- Ну... отодвинулся подальше... потому что стало боязно, – уверенно ответил Белый Комочек.
- Карррр! А чего боязно?
- Ну... не знаю... Само собой как-то вышло.
- Карррр! В тебе, зайчонок, заррработали инстинкты самосохрррранения.
- Белый Комочек возразил:
- Облизнулся ведь не я.
- Карррр! Облизнулась милая и добрррая лисичка, потому что в ней заррработал, глядя на тебя, зайчонок, пищевой инстинкт.
- Я? Пища?! – обиженно скривив мордочку, недовольно переспросил Белый Комочек.
- Юная лисичка сказала:
- Не слушай его, Белый Комочек. Я ни одного зайчонка не тронула... Никогда! И не трону.
- Карррр! А твои родители? А дед, Старый Лис, сколько погубил родичей Белого Комочка?
- Ннне знаю, – ответила лисичка.
- Карррр! Зато я знаю: много!
- В глазах лисички появились слезы.
- Мама говорит... – чуть не плача начала лисичка, но ее перебил Белый Комочек.
- А еще что твоя мама говорит? – спросил Белый Комочек.
- Мама говорит, что с Нового года все мы станем вегетарианцами.
- Вегетарианцами? – переспросил Маленький Ёжик. – Что это такое?
- Не знаю, но что-то хорошее... Потому что... Потому что при этом мама меня ласково потрепала по загривку.
- Крутой Бок затрещал:
- Так-так-так!.. Я тоже не знаю... И Маленький Ёжик не знает... Значит? Придется идти опять с поклоном к старику Ворону, – он поднял голову. – Дед, скажи, будь ласков?
- Карррр! Насчет вегетарррианцев, что ли?
- Ну, да. Просвети, будь ласков.
- Вегетарианец – это тот, который ест лишь растительную пищу.
- Значит, дед, я вегетарианец? – спросил сороченочек.
- Карррр! Не совсем.
- Как это? Я клюю на полях овес, пшеницу... Она там растет... Значит, это пища растительная. Ведь так?
- Карррр! Так, но пока не вырррос.
- А когда вырасту?
- Карррр! Ты, сороченочек, станешь опасным.
- Для кого?
- Карррр! Для мышей и птиц.

- Обижает, дед. Я хоть и крутой, но птиц... Никогда!
- Каррр! Не птиц, а их маленьких птенцов.
- Птенцов? Этих желторотеньких? Ни-за-что!.. Малышню не обижаю. Извини, дед, что обидел давеча, но зачем ты так обо мне?.. Я не страшило какой-нибудь...
- Маленький Ёжик с надеждой спросил Черного Ворона:
- А... я, дедуль?
- А что ты ешь?
- Ну, маменька кормит меня сушеными грибочками... Очень вкусные грибочки... У мамы в кладовке их видимо-невидимо... Горы!
- Каррр! Значит, пока вегетаррианец...
- Что значит «пока»?
- Пока не будешь ловить мышей.
- Я не буду.
- Каррр! А маменька?
- Она тоже ест грибочки.
- Каррр! Это – зимой. Посмотррри, что будет летом, когда мимо норррки будут шмыгать полёвки. То-то косточки загrrррешат!
- Неправда! – обидчиво воскликнул Маленький Ёжик. – Моя маменька не такая! Белый Комочек в задумчивости произнес:
- Вегетарианцев не бывает.
- Каррр! Что за отчаяние? Среди вас есть вегетаррианцы...
- Послышался хор голосов:
- Даже вегетарианцы? Значит, не один?
- Каррр! Само собой. У Белого Комочка какая основная пища?
- С ответом поспешил Белый Комочек:
- Люблю похрумкать капусточки. Обожаю морковку... Боже мой, я вегетарианец?! – воскликнул он, вскочил на пенек и от счастья забарабанил по нему. – Уррра!
- А... Кто же еще? – тихо спросила Хитренькая Мордашечка.
- Каррр! Ха-ха-ха! Ты это, ты, кrrррасавица! Белочки всегда кормятся ягодами и грибами.
- Глаза Хитренькой Мордашечки заблестели.
- Да-да!.. Конечно... У нас так много всего припасено... Как-то заглянула в мамину кладовку, а там... Кроме грибов и ягод, столько орехов, столько орехов... Видели бы вы!
- Лисичка тяжело вздохнула:
- Я тоже буду вегетарианкой... Вот увидите.
- И тут лисичка обратила внимание на быстро передвигающуюся темную маленькую тень на снегу.
- Ребята, мышка-полёвка! – воскликнула она и обрадовано захлопала по снегу передними лапками. – Смотрите, она.
- Белый Комочек подтвердил:
- Она самая... И глубокий снег ей нипочем... Куда бежишь, серая?
- Мышка остановилась и стала часто-часто тереть передними лапками мордочку и лишь после этого пропищала:
- А что?
- Иди к нам! – закричали все.
- А вы... обиды... это... нет?
- Что ты, глупышка! – воскликнул сороченок. – Здесь никто не тронет...
- Ну... ладно... Если так...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.